

Прости

Автор:

Олег Рой

Прости

Олег Юрьевич Рой

Психологические романы Олега Роя

Новинка одного из самых популярных российских авторов – Олега Роя.

Когда-то у Олеси было все: музыка, блестящее будущее, любовь. Но в один миг жизнь закончилась, и остался лишь страх. Привычный мир Саши разрушился после того, как его дед попал в больницу. Теперь весь смысл его жизни сузился до одной цели – сделать все, чтобы любимый дед поправился, а значит, во что бы то ни стало разыскать неведомую Тосю, почему-то очень важную для деда женщину из прошлого. Судьба столкнет этих героев, тесно переплетет их пути и все повернет по-своему: превратит потери в обретения, а беспомощность сделает силой.

Давая ответы на загадки прошлого и избавляя героев от их страхов, Рой изящно вплетает в повествование размышления на многие болезненные темы: предательство, вседозволенность и несправедливости, домашнее насилие, выученная беспомощность жертв и безнаказанность тиранов.

Нетривиальные повороты сюжета, глубоко проработанные персонажи и живой, образный язык – отличительные черты прозы Роя, которой зачитываются люди всех поколений. «Прости» – его типичный роман, оставляющий долгое послевкусие.

Рой Олег

Прости

© Резепкин О., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Tis the last rose of summer,

Left blooming alone;

All her lovely companions

Are faded and gone;

No flower of her kindred...

Последняя роза беспечного лета

Цветет одиноко, одна она где-то;

Все розы в округе уснули, увяли,

Их листья ветра, непогоды умчали...

Томас Мур. Последняя роза лета (Перевод Олега Роя)

Пролог

Если бы здесь существовало эхо, то, закрыв глаза, можно было бы представить, что звучит целый оркестр. Но для строителей концертных залов звук – объект поклонения, почти преклонения, а эхо – злейший враг. И сейчас можно было разве что угадывать: квартет звучит или все-таки трио?

Двойные, тройные – стремительные, мощные...

Квартет? Да неужели?

Ты одна на этой сцене. Так написал Эрнст. Смешная фамилия. Как будто имя. Имя, которое знает каждый музыкант. Последняя роза лета. Только глупцы думают, что последняя роза лета – про увядание, про бегство, про смерть. Последняя роза лета – про жизнь. Про ее неужеримую, про взлет, про высокое, высокое небо, к которому надо подняться. Надо, потому что ты – живешь!

И невесомая тяжесть в твоих руках – живет. Дышит. Поет.

Помнишь? Из какой-то деревяшки, из каких-то грубых жил, из какой-то там фантазии, которой он служил...

Ты здесь, чтобы заставить ее петь. Нет-нет, так не то что говорить, так даже думать нельзя. Не заставить – слиться с ней, подарить ей свои руки, свое дыхание, свою душу.

Ты рождена для этого.

А она, невесомая тяжесть в твоих руках, рождена, чтобы петь.

Струны кажутся раскаленными, но никто, никто не должен почувствовать, как тебе трудно. Нет, звуки рождаются под смычком сами, сами – и летят, летят все выше, и зовут – к жизни, к победе, к солнцу!

Тебе даже глаза открывать не нужно, чтобы почувствовать – щеки мокры от слез. Когда летишь вместе с музыкой, когда становишься ею – это такое невыносимо острое, почти невыносимое счастье, что оно превращается в спазм, в стон, в слезы.

Случайно ли рифмуются «слезы» и «роза»?

Последняя роза лета...

Глава 1

– То... ся... – слабый хрип – с... сти... – в голосе деда, едва слышном, больше похожем на шелест ветра в голых осенних кустах, чем на человеческий голос, слышался не столько вопрос, сколько упрямая, безнадежная надежда. Так ребенок, старательно трущий слипающиеся глаза, ждет Деда Мороза: может, в этот раз все-таки получится? И все-таки соскальзывает в сон. И найденный поутру под елкой (или под подушкой, неважно) подарок немного горчит: опять не сумел дождаться и увидеть!

В горле запершило. Нет, какие там слезы, что вы, просто воздух тут слишком сухой. И свет неприятный, мертвенно-холодный, превращающий лицо на подушке в желтую пергаментную маску, безжалостно подчеркивающий и пигментные пятна, и темные выступающие вены на крупной руке поверх больничного одеяла. Руке, не гнушавшейся никакой работы. Такой надежной, всегда готовой подхватить. И на скользкой лесной тропинке, и в ледяной воде (они долго сушились в маленькой сторожке и никому не рассказали, что лодка перевернулась, нечего родителей волновать, незачем, у маленького Саши тогда даже насморка не случилось). И на продуваемой всеми ветрами (настоящими сибирскими!) смотровой площадке Братской ГЭС, где у Александра от огромности увиденного (дед усмехался «это мы построили») закружилась голова, он вцепился в поручни так, что пальцы побелели, а дед накрыл его ручонку своей. И стало спокойно и не страшно. Его руки остались прежними. Вот только пигментные пятна да вены выступили.

И Александр накрыл эту тяжелую, усталую ладонь своей. В которой, пожалуй, ничего не осталось от той, маленькой, в цыпках и обгрызенных заусенцах. Вот заусенцы он по-прежнему грызет, Кира когда-то очень на него за это ругалась. Неприлично, дескать.

– Тося... – снова прошелестел бесплотный, почти незнакомый голос. – Найди... Я давно... Думал, забыл... – Даже недолгая попытка разговора деда сильно утомила, теперь он не только запинался, но и глаза прикрыл, словно сил не было держать потяжелевшие веки. – Бумаги на даче... Тетрадка... Тося... Найди ее...

– Найду, дед, ты только выздоравливай. Слушайся врачей, спи больше, тебе отдыхать нужно. Я все сделаю, не беспокойся.

Выздоровливай! В собственном голосе Александр услышал ту же безнадежную упрямую надежду. Деду не то что говорить, дышать было, кажется, тяжело.

Белая дверь приоткрылась. Белый халатик сидел на ладной фигурке, как в модном ателье пошитый, но яркие темные глаза из-под шапочки и тщательно прорисованных бровей глядели строго. И губы, четко очерченные неброского цвета помадой, поджалась: мол, довольно сидеть.

Погладив еще раз безжизненную ладонь на одеяле, Александр вышел.

– Как он? – и сам понимал, что вопрос надо лечащему врачу задавать, а не этой хорошенькой вертихвостке, но спросил, все в той же безнадежной детской надежде.

Вертихвостка улыбнулась – совсем не ослепительно, а наоборот, устало и даже печально. И личико ее вдруг стало простым, человеческим.

– Мы делаем все, что можем. И Геннадий Ефимович – очень хороший врач... – она вдруг замолчала.

– Но?

– Простите?

– В вашей речи отчетливо прозвучало произнесенное «но», – расшифровал он свой вопрос. – Вы про возраст?

– Не только, – девушка вздохнула. – Сердце в плохом состоянии. Впрочем, действительно, возраст. Бывает и у девяностолетних сердце лучше, чем у молодых, но это скорее исключение.

– А дед... Может, операция нужна? – Про операцию он Геннадия Ефимовича спрашивал. И он спрашивал, и отец, и девчонку эту нечего пытаться, ничего нового она не скажет. Никакие шунтирования и что там еще с сердцами делают, деду не помогут. Его сердце просто устало.

- Поддерживающая терапия...

- Да-да, - перебил Александр. - О терапии нам уже Геннадий Ефимович все рассказал. Просто... - он принялся шарить по карманам, казня себя за то, что, торопясь сюда, не стал искать банкомат, а теперь вот сколько там налички с собой? Крохи.

- Вы что?! - В красивых глазах читался чуть не ужас. - Знаете, как за это наказывают? И выговор, и на факультет сообщат, и уволить...

- Вы учитесь? - зачем-то спросил он, вычленив из испуганного журчания «факультет».

- У нас многие учатся, - улыбнулась медсестричка уже спокойно.

Александр же вдруг заметил и красноту в ярко подведенных глазах, и то, как девчонка поводила плечами, как будто носила что-то тяжелое или долго стояла в неудобной позе. Вертихвостка? Вот так подумаешь сгоряча, а после стыдно, словно мысли твои подслушать могли. Или подсмотреть. В углу под потолком поблескивала камера наблюдения. А он деньги совать собрался. Надо будет как-нибудь потом что-нибудь, не коробку конфет, это глупо, но он придумает. И, может, не ей персонально, а просто, как это называется, в дежурку, для персонала, фруктов каких-нибудь, кофе хорошего. Просто по-человечески, из благодарности.

Эта больница совсем не похожа была на те, что показывали в сериалах. Здесь было чисто и... пусто. Никто не бегал по коридорам с дефибрилляторами и стопками бумаг наперевес, никто не кричал «синий код», все, кого Александр видел, выглядели... деловитыми. Некоторые - озабоченными, другие - задумчивыми. Усталыми. Не героями. Никто не рвался на подвиги, каждый просто... делал свое дело.

- Простите, что от работы отвлек.

- Ничего, я понимаю. Не беспокойтесь, я присмотрю за дедушкой вашим и по смене передам. Хотя у нас все и так...

– Спасибо, – он даже улыбнуться сумел.

Только закурить вдруг страшно захотелось. Бросил больше года назад, а сейчас вдруг захотелось этой горечи. Чтоб унять, заглушить другую горечь, внутри. «У нас все и так», – сказала медсестричка, а за словами слышалось «но мы не всеильны».

С темного неба сыпались, взблескивая в фонарном свете, мелкие колючие снежинки. Табачный дым (магазинчик нашелся буквально за углом у больницы) смешивался с паром от дыхания, не отличить. Только горький.

Значит, Тося. На миг стало обидно за бабушку. Ее хоронили пять лет назад, зацветала вишня, и похоронный автобус, черный, блестящий, очень чистый, но тем не менее неуловимо потусторонний, казался среди нежной зелени и цветов удивительно неправильным. Неуместным. Дед не плакал. Но он никогда не плакал, это было нормально.

Но сейчас... Не бабушку Таню он вспоминал под безжалостным светом больничных ламп, а какую-то неведомую Тосю. Просил то ли «отпусти», то ли «спасти». Лишь потом уже совершенно отчетливо прозвучало «найди». Это было... неправильно. Почти дико. И в то же время... Александр же не знает, что их связывало. И если эта неизвестная женщина придаст деду сил и желания жить – значит, надо хвататься за этот шанс. Зыбкий, конечно. История полувековой, если не больше, давности. Сейчас этой Тосе сколько? Семьдесят? Больше? Деду восемьдесят. Да и жива ли? Так, стоп. Будем надеяться, что жива. Нужно просто ее отыскать. Вопрос – как?

Браузер в смартфоне предложил немало вариантов: и телепередачу, и сайты отыскивающих военные захоронения волонтеров, и соцсети. А также сайты знакомств, частных детективов и прочие небесплатные службы.

Денег, равно как и свободного времени для самостоятельных поисков, имелось, мягко говоря, немного. Ладно, это примем как данность. Пропущенный день или даже два – не разорение. Уволят, другое место найдем, машина своя, так что ничего непоправимого не случится. Сейчас главное – дед. И для начала – план действий. Бизнес-план, мысленно усмехнулся он. Ну да, бывших бизнесменов не бывает, это не статус, а образ мышления.

Итак. Сперва – поиски на даче. Что там за бумаги, что за тетрадка. Параллельно – более подробный поиск в интернете, методы, способы, инструменты для этого самого «найти человека». Нет, это не параллельно, это после. Бумаги (или тетрадка) – это информация, от которой можно будет уже отталкиваться. Раньше – бессмысленно. Женщина, которую полвека (или даже больше) назад называли Тосей, – это вам не иголка в стоге сена. К стогу можно и магнит поднести, и в воду сено сбросить (иголка потонет), да хоть руками по соломинке перебрать. Это если есть стог, а в нем иголка. А тут в качестве стога – вся Земля. Могла неведомая Тося за полвека оказаться, например, в Бразилии? Не то чтобы с легкостью, но да, вполне. И никаких магнитов, ребята. Иголка от соломы отличается тем, что она железная. А тут – человек среди людей.

Ох, только бы жива еще была!

И, может, никакого урона памяти бабушки Тани в странной дедушкиной настойчивости нет. Может, Тося эта – его подруга детства, с которой они в деревенском пруду плескались. Или, к примеру, медсестра, которая его от обморожения на строительстве Братской ГЭС спасала. Или однокурсница, у которой он конспекты переписывал. Хотя, конечно, вспоминать такие вот... контакты, когда ты стоишь на грани, – нет, вряд ли. Вот медсестра, которая вытащила из-под огня, – да, таких ищут. Но дед в Отечественную был немногим старше младенца, в других тоже не участвовал, так что героическая санитарка отпадает.

Пробки уже рассосались, и за мыслями Александр сам не заметил, как оказался на месте. Воистину, автоматизм иногда лучше соображалки, руки-ноги сами знают, как рулить, где газовать, а где наоборот. А ведь сезон-то, самый день жестянщика.

И калитка примерзла. Смазывал он ее петли в октябре, когда привозил маму за последними «дарам природы». Отец почему-то не мог, пришлось Александру извозчиком поработать. «Даров» с дачи (обычного деревенского дома, если приглядеться, в дальнем конце улицы пару огоньков разглядеть можно, деревня не вовсе безлюдная) собиралось изрядно. Не картошка, конечно, ту проще купить, а вот перцы-вишни-помидоры и прочий чеснок – это да. Малину и калину мама замораживала (и при простуде хорошо, и так, для души, весело), из вишни делала вкуснейшую наливку, овощи закатывала в бесчисленные баночки. На каждой – аккуратная надпись: дата и что-нибудь из серии «Лечо, бабушкин рецепт» или «Баклажаны по-сицилийски, рецепт Гали». Александр никакой Гали

(или, может, тети Гали?) не помнил, да и не вникал. Природу он признавал лишь в диком виде (дедова школа!), к садово-огородным же работам, от тюльпанов с пионами до тыкв с баклажанами, относился более чем равнодушно. Маме нравится? Вот и ладно.

Кира же и вовсе на передаваемые от свекрови банки с соленьями-вареньями презрительно морщилась, предпочитая закупаться в «Азбуке вкуса» или хотя бы (это уж когда бизнес «поплыл») в «Ашане».

Может, и напрасно он сюда так редко наезжает? Ведь не только ж тут садово-огородные радости. Вот она, природа, вполне дикая. Ветер свищет, вьюга злится, волки воют, елки скрипят, а мы в домике, нас не достанут! Волков тут, положим, не водится, а вот дом хорош. Вполне крепкий, ниоткуда не поддувает, и печку когда-то мастер клал – вон как принялась. Ну и электричество, так что не вовсе дикость, а как раз компромисс между глушью и цивилизацией.

Сеть, правда, слабая, но есть: вон, кто-то дозвонился.

Отец.

– Нет, пап, у деда пока все по-прежнему. Да я понимаю, что ты в курсе, но... Вы завтра к нему заедете? Нет, я завтра не смогу... – Отцовский голос был едва слышен, как будто не по телефону они говорили, а через поле перекрикивались, Александр отвечал почти по наитию, скорее на угаданные, чем на расслышанные слова. – Прости, тут связь плохая, я не в городе... Ну ты же знаешь, какая у меня сейчас работа... Маму там от меня поцелуй.

Рассказывать отцу про дедушкину просьбу он не стал. Отчасти впрямь из-за того, что слышимость была очень так себе, но больше из странной внутренней убежденности: Тося – это тайна. А чужие тайны грех раскрывать всем подряд. Может, потом и придется. А может, и нет.

Пар из носика старенького электрического чайника нарисовал на стекле туманное облачко, из которого понизу уже потянулись первые капельки. Александр задернул занавесочку, которую, как и остальные в этом доме, шила еще бабушка Таня. И половички, которые она плела из старых пальто, лыжных штанов и тому подобных тряпок. Неказистые, но ведь ходить-то тепло! Правда, и дом понемногу прогревается. Но занавесочки, половички, салфеточки на полках

старого буфета, смешная тряпочная куколка на ручке навесного шкафчика... Новый кухонный гарнитур – это отлично, но разве можно старую мебель выбрасывать? Для дачи в самый раз. Ага, вон и жестянка, а в ней еще и чай остался, красота. Он бы и пустой кипяток попил, все веселее, но чай – совсем другой коленкор. Эх, на съезде к деревне надо было в тот магазинчик завернуть, еды хоть какой прихватить, но увы, не сообразил, да, может, магазинчик-то и закрыт был уже. Может, мама что из «даров» забыла?

Маминых закаток не нашлось, но в соседнем шкафчике обнаружилась ободранная, словно ее кошки терзали, пачка рафинада, точнее треть пачки. А за ней какой-то бесформенный кулек. Внутри жили пряники. Собственно, уже почти и не жили. Запах сохранился, но облитые бело-коричневой глазурью кругляшки больше походили на камни, чем на человеческую пищу. Привет археологам будущих времен! Только, знаете, товарищи, обойдетесь вы без этих пряников, они хоть и окаменелые, но с горячим чаем вполне съедобны.

От горячего и от теплой тяжести в животе тут же склонило в сон, но Александр, помотав головой и потеряв уши, двинулся в кладовку. За дощатой дверью пахло сыростью, нафталином и апельсиновыми корками, которые мама считала лучшим средством от моли. Казалось, запах клубится вокруг слабой лампочки, как освободившийся из разбитого кувшина джинн.

Подходящих кувшинов тут не имелось, только самовар, чуть ли не дореволюционный, лаково блестящий радиоприемник с желтым матерчатым репродуктором и, вовсе неожиданно, два колеса, судя по всему, от первых дедовых «Жигулей».

Здоровенный, тоже лаково блестящий шифоньер явил взору завалы тряпья: куртки, свитера, шапки, шарфы, сбоку торчали брезентовые штаны в белых пятнах, две полки покосились под тяжестью набитого в них шмотья. Почему мама все это не повыбрасывала? Намеревалась по бабушкиному примеру плести коврики? Как бы там ни было, вряд ли дед закопал неведомые «бумаги» в это барахло.

Взгроможденный на шкаф чемодан выглядел куда перспективнее. Старый, обтянутый дерматином, с поцарапанными, но блестящими металлическими уголками. Уже стаскивая чемодан вниз, Александр понял, что бумаг нет и в нем, слишком легкий. Но выпуклые колечки сдвинул, язычки замков звонко щелкнули, крышка откинулась как бы сама собой, словно содержимое

стремилось выбраться наружу. Содержимого было много. Все маленькое, как будто кукольное. И пахло из чемодана вроде бы и не нафталином, а чем-то сладковатым и теплым. Детством, наверное. Мама хранила для будущих внуков? Но какие там внуки, когда Кира...

Так, стоп. Вот о Кире – не надо. Забудь.

Удивительно, но он ведь помнил большинство этих вещей. Вельветовый полукомбинезончик, синий мягкий костюмчик с улыбающейся львиной мордой на животе, шорты с корабликами на карманах, синяя футболка с пестрыми рыбами... Ванька – тогда ты еще не знал, что он Ванька – почему-то принялся из-за этих рыб дразниться, они даже подрались, пока воспитательница не развела их по разным углам. И подружились как-то незаметно.

И разошлись так же незаметно. Жизнь...

Цифры на экране смартфона сообщали, что уже почти полночь, но Александр, мотнув головой, словно отгоняя неуверенность, отыскал в памяти аппарата номер «Джонни» (это они в институтские времена так изгалялись: Санчо, Джонни и тому подобное) и быстро-быстро набрал сообщение: «Привет! Не хочешь ли как-нибудь пересечься?»

За те годы, что они не виделись (и даже не перезванивались, ох, Кира, Кира), Иван мог тысячу раз сменить телефонный номер, мог вообще уехать на другую сторону земного шарика. Да и спят многие люди в такое-то время.

Но ответ пришел почти сразу, словно и не было этих лет молчания: «Привет, пропаций. Заходи в гости, с сыном познакомлю». Не задумываясь – еще не хватало в философию ударяться! – он быстро набрал: «Завтра и найду, коль не шутишь».

Станный этот диалог через годы как будто отнял последние силы. В доме была еще одна кладовка, но – завтра. Поворошил угли – вроде нормально, можно уже – задвинул вьюшку, подумав, немного все же приоткрыл, лучше замерзнуть, чем угореть, навалил на себя два ватных одеяла и едва успел подумать, что накрывающий его сон такой же тяжелый, как эти одеяла...

Глава 2

Тучи лежали низко, как тяжелые ватные одеяла...

– И чего сидим? Книги будем принимать или принца ждем? – Валера картинно прислонился к дверному косяку. При тощей его комплекции и чрезмерной подвижности, практически вертлявости, смотрелась сия картинность смешно.

Но Олесе было не до смеха. Валера, едва появившись на этом маршруте, принялся ее охмурять, пользуясь классическим рецептом: заставьте девушку смеяться, и затащить ее в постель будет делом недолгого времени. Легко, решил Валера и принялся засыпать симпатичную библиотекаршу ворохом надерганных из интернета шуточек. В постель та почему-то не падала, даже в бар пойти отказывалась, и, обидевшись, как его, такого обаятельного, не ценят, Валера перешел к открытому хамству. Слова Олеся могла и мимо ушей пропустить, библиотека хоть и очаг культуры, посетители тут бывают всякие, привыкла. Хуже, что таскать коробки с книгами теперь приходилось самостоятельно. И напарница Ася, как назло, со вчерашнего дня в отпуске.

Распахнутая дверь была подперта деревянным чурбачком, и в библиотеку тянуло холодной сыростью. Ноябрь, самое темное, самое тоскливое время года. Ночью посыпал было снег, но сейчас он уже превратился в хлюпающую под ногами прохожих жадную жирную грязь.

От Валеры пахло бензином, какой-то сладковатой туалетной водой и вчерашним пивом. А может, и не пивом, кто знает, чем он после смены расслабляется.

– Примите и распишитесь, – ухмыляясь, он выгрузил несколько коробок прямо на крыльцо, выложив сверху накладную. – Готово? Ну прощевайте, не стану докучать. Вы ж у нас барышня нежная, с простым шофером вам запахло беседы беседовать.

Дно нижней коробки на сыром крыльце моментально начало подмокать, еще немного, и внутрь доберется, надо быстрее все это втащить. Идти за помощью к «взрослым» тоже не хотелось, подколок не оберешься. У шумной Риты, отвечавшей за комплектование фондов обоих отделов, проблем с Валерой не было. Как-то у нее получалось: и к телу не допустить, и не оттолкнуть. В ее-то

хранилище коробки доставлялись до самых полок. И если Валера и пытался обнять или по выпуклым частям похлопать, Рита умела как-то обратить все в шутку. И беспомощность Олеси ее веселила.

Сперва перетащить все коробки через порог и закрыть дверь. Даже запереть, с утра в детский отдел никто не явится, все в школах, а если вдруг – пусть через взрослых идут. Пусть библиотечные «апартаменты» и невелики, не то что у «взрослых»: абонемент, хранилище и бывший читальный зал, ныне чаще всего используемый для мероприятий, но нельзя же таящиеся под невзрачным картоном сокровища без присмотра оставить!

Вот, не такая уж я и беспомощная. Присев на последнюю коробку, Олеся принялась массировать занывшую руку. Ничего, зато никому ничем не обязана, а впереди – самое приятное.

Распаковывать книжные коробки – это даже радостнее, чем новогодние подарки открывать. Во-первых, коробок больше, во-вторых, привозят их куда чаще, чем раз в год. И хотя книжные списки известны заранее, но разрезать упаковочную ленту и увидеть содержимое вживую – это чистый, незамутненный восторг, прямо как в детстве. Даже лучше, в ее детстве таких книжек не было. Вот таких, которые она оставляла «на сладкое»: с раскрывающимися окошками, с очками для просмотра трехмерных картинок, с выпрыгивающими из твердых страниц волшебными замками и диковинными животными. Да, эти – для самых маленьких, но разве Олеся не имеет права на личные пристрастия?

И ничего, что весь день теперь придется бегать из абонементов в хранилище и обратно: и свежее поступление обработать надо, и читателей обслужить. Не так их и много, несмотря на все спускаемые сверху директивы, но надо стараться. И фонд обновлять, и расстановку на стеллажах. Хотя вот этот, у самого входа, менять жалко. Пусть его содержимое и так пользовалось спросом, не нуждаясь в дополнительной рекламе, но Олеся самой приятно было смотреть и на роскошное издание «Муми-троллей», и на «Волшебника Изумрудного города» с любимыми с детства иллюстрациями Владимирского, и на серию про маленьких веселых человечков-джингликов в их волшебной стране, где нет предательства и боли. Все яркое, пестрое, блестящее, только взглянешь – и само улыбается.

– Здравьете, Олеся Игоревна! – Вадик старательно пошаркал ботинками по коврикам при входе: и по первому, резиновому, и по второму, мягкому,

тряпочному, чтоб уж точно никакая грязь внутрь не проникала. Она, конечно, все равно проникала, но могло быть гораздо хуже.

– Здравствуй, Вадик, – ласково улыбнулась Олеся. Этот мальчик приходил часто, читал много, книг не задерживал, как было его не любить? – У меня для тебя сюрприз. Вот, гляди, специально отложила, сегодня привезли, и оформила в первую очередь, знала, что тебе понравится. Тут про доисторического мальчика, ты такое любишь.

Конечно, интерес Вадика к истории может еще двадцать раз пропасть, мальчишка-то всего в четвертом классе. Но история там или нет, главное – он читатель! Пусть эта страсть сохранится, пусть не уступит компьютерным «стрелялкам», Олеся постарается. Интересно, почему он не бежит домой с новой книжкой? Убрал добычу в ранец и топчется у порога. Она ободряюще улыбнулась:

– Ты спросить что-то хотел?

И Вадик шагнул назад, ближе к ее стойке:

– Олеся Игоревна, я... знаете... я когда вырасту, я на вас обязательно женюсь. Вы только подождите, ни за кого больше пока замуж не выходите, ладно?

Это было так трогательно (и неожиданно, конечно), что Олеся растерялась, не зная, что отвечать. Но отвечать нужно.

– Замуж я в любом случае не собираюсь. Но знаешь, Вадим, тебе лучше обратить внимание на своих одноклассниц, они тебе гораздо больше подходят.

– Вот еще! – Он скривился. – Они дуры и книжки не любят, разве что про всяких принцесс и единорогов.

– В принцессах и единорогах нет ничего плохого, вам всего по десять лет.

– Да ну их! Лучше я на вас женюсь! – упрямо повторил он. – И мы будем вместе читать! А потом поедем и откроем какую-нибудь Трью. Как Шлиман.

– Чтобы вместе читать и даже открывать древние города, жениться вовсе не обязательно.

– Все равно. Вы только ни за кого больше замуж не ходите, ладно?

– Ладно. Давай мы с тобой об этом лет через десять поговорим. Беги домой.

Прелесть мальчишка! Вот глупость вроде, а улыбаться хочется. Жених! Надо будет Карине рассказать. Или не стоит? Опять кинется искать для Олеси кого-нибудь подходящего. А ей, вот честное слово, никого не надо. Вот если бы только работать поближе к дому. Но почему-то все появляющиеся вакансии приглашали только во взрослые отделы. Да и к этой она уже прикипела. И автобус отсюда прямой. И ходит часто.

Эсэмэска от Карины пришла, когда Олеся, удачно поймав автобус, уже устроилась на свободном месте у окна, за которым опять сыпалось что-то невнятное: то ли снег, то ли дождь, то ли оба сразу. «Ты где?» – как всегда, без приветствия, спрашивала подруга. «Домой еду», – напечатала Олеся. «Я к вам сегодня, покупать ничего не надо, все привезу». Что ж, тоже неплохо. И бабушка немного развеселится, все-таки скучно ей дома одной целый день. А Карина... вот уж рядом с кем скучно не бывает! Маленькая, тоненькая до прозрачности, она моментально заполняет собой все окружающее пространство, превращая его в... да, в ту самую волшебную страну, где все хорошо. Даже знакомый наизусть двор, даже выученная до последней щербинки подъездная лестница, даже маленькая их с бабушкой квартира – все рядом с Кариной начинало искриться и цвести.

И в дверь она стучит не просто так, а непременно каким-нибудь знакомым ритмом. Чаще всего, конечно, бетховенским «гласом судьбы». Та-та-та-таааммм!

– Привет-привет! Леська, ты что, меня ждала?

– Не успела переодеться, только зашла, – Олеся улыбнулась.

– Ой, точно, на улицах пипец что творится, везде пробки, а ты-то вообще на автобусе, жуть! Давно пора что-то поближе к дому найти... А может, и не надо, ты и так затворничаешь, – Карина сыпала восклицания, вопросы и предложения, не дожидаясь ответа. – А я с Эдиком на Новый год во Вьетнам собираюсь. Как

подумаю: тут холодрыга, а мы в теплом море и вместо елки пальма, круто же! Ой, а чего стоишь-то? Хватай пакеты, тащи на кухню!

- Да у нас голубцы есть...

- Иди лесом со своими голубцами! Тут надо что-то... Смотри! - Она покачала перед Олесиным носом длинной темной бутылкой. - Ты когда-нибудь пробовала гранатовое вино? Таисия Николаевна, а вы куда?

- Да пойду телевизор посмотрю, эти твои деликатесы в моем возрасте уже не полезны. Острое, копченое...

- Да ладно! Сыр еще есть, и пирожные совсем легкие, ничего не вредные! Изредка не только можно, но и нужно! Для настроения! А вино гранатовое, оно даже полезное. Хорошее, кстати, армянское. Не только для настроения, но и для здоровья.

- Вот разве что, - улыбнулась Таисия Николаевна. - Немножко, полрюмочки. И сыру мне на тарелочку положи, мне и хватит. И пойду я все-таки к себе, а вы тут уж сами пошушуйте, вам без меня свободнее будет.

Свободнее? Но, как ни странно, маленькая кухонька, где едва помещались холодильник, несколько навесных шкафчиков, мойка, плита с серебристой вытяжкой и угловой диванчик с придвинутым к нему столом, в присутствии Карины не съеживалась, даже наоборот, словно расцветала. И вечный запах сушеных яблок становился сильнее, и старенькие бокалы на полочке поблескивали веселее, и даже чайник закипал быстрее.

- Чайник-то зачем? Сперва... - Карина плеснула в два бокала темно-красного, почти черного вина. - Вот, по глоточку - за нас, красивых, умных, талантливых!

Возражать Олеся не стала. Хотя какая из нее красивая, умная и талантливая? Но из бокала пахло летом, солнцем и чем-то терпким. Обещающим.

- Погоди, - она поставила бокал на стол. - Какой еще Эдик? Ты ж по... как его... Ване умирала?

– Не по Ване, а по Дане, ну его в самую туманную даль! Предупреждали ведь меня! А, проехали! Эдик – совсем другое дело. Вот, гляди, что подарил, – Карина покрутила головой, так что сережки в аккуратных мочках блеснули остро и ярко.

– Новые?

– Говорю же, подарил. Бриллианты – лучшие друзья девушек. Серьезный такой, положительный. Папуля будет счастлив, он же спит и видит свести меня с хорошим армянским мальчиком. Мальчику, правда, сорок с хвостиком, но разве это возраст?

– Как-то я плохо тебя представляю рядом с серьезным и положительным. Тем более, армянская семья – дело такое. Ты вправду собираешься рожать детей и варить хаш? Или что там у вас положено варить?

– Ой, да не знаю я, что там у нас положено! Где я и где кухня? Да и когда мне? Все расписано... Ай, прорвемся! Все серьезно! Скоро мамуля Эдикова приезжает.

– Не боишься?

– Ну... Не знаю... если его мамуле я не понравлюсь... не знаю. Я же...

– Ты замечательная! – перебила Олеся. – Если мама твоего Эдика... да ладно, она ж еще не приехала, ты ж не знаешь, что и как она думает. Может, еще лучшими подругами станете. Кстати... ты Лешку-то давно видела?

– Месяца полтора назад. На одном перформансе пересекались. Да я ж тебе рассказывала!

– И как он?

– Будто не знаешь! Ах, Кариночка, ты не понимаешь, мы созданы друг для друга, зачем ты...

– Не жалеешь?

– Что замуж выходила – нет, что развелась – тоже нет. Все хорошо в свое время. Всё и все. Если Лешеньке хочется чувствовать себя султаном, то без меня. Даже в роли главной жены. Я могу быть только единственной. Эдик вон ни на кого кроме меня и глядеть не хочет.

– Уверена? – с долей скепсиса уточнила Олеся. На первом этапе Карина в каждом избраннике находила мешок достоинств, но вскоре обнаруживала, что достоинства лишь слегка посыпаны сверху этого самого мешка, а ниже – сплошные недостатки.

– На все сто! – решительно парировала Карина. – Сколько ж можно, а? И кстати. Ты сама-то сколько еще собираешься в раковине сидеть?

– Карин, мы с тобой сто раз про это говорили. Мне и так неплохо.

– Неплохо ей! А должно быть прекрасно! Счастье-то где, ау?

– Это семейное, ты же знаешь. И мама, и бабушка. Ну и я. Спокойно – и ладно.

– А почему Таисия Николаевна никогда про маму твою не вспоминает? Уехала, и все.

– Ей мамин муж, ну или не муж, не знаю даже, очень не нравился.

– Он ее бросил? В смысле маму твою?

– Если бы. Посадили его. А мама за ним кинулась.

– Как декабристки?

– Вроде того. Дескать, оговорили, не виноват он ни в чем. Я тоже плохо знаю, бабушка молчит, как партизан, а сама я и не помню, конечно, мне года полтора было. Потом открытки иногда приходили, бабушка их сразу жгла, нечего, говорит. Выбрала, значит, выбрала. Но уж лет десять как не было ничего.

– То есть она может завтра на вашем пороге появиться?

– Ох, вот уж чего не надо, того не надо.

Передернув плечами – вдруг стало холодно, хотя окна они с бабушкой на зиму уже заклеили – Олеся обхватила себя руками.

В раковине! Скорее уж в логове. Как раненый зверь. И конечно, она не собиралась прятаться всю жизнь. Мечтала. Вот проснется – а рука не болит. И днем не болит, и вечером. И завтра. И послезавтра. И тогда, тогда она расправит наконец плечи, как тот атлант из модной книжки (прочитать она, правда, не осилила, как-то очень нудно показалось), поднимет голову, шагнет... А потом, после, в просторном сияющем зале увидит его. И он Олесю увидит – и ахнет. Как в том фильме, где у Костолевского еще приятель был, Ласло звали. Ахнет, а она... она мимо пройдет. Просто пройдет мимо. В ту жизнь, где его нет.

Карина, поклевывая то с одной, то с другой тарелки, на Олесю глядела почти требовательно:

– Слуш, ну про маму твою я все понимаю, а Таисия Николаевна... Что, если поискать этого ее, как его, Бориса? Сейчас же миллион возможностей. Вот бы им встретиться!

– Как его искать, если она не знает о нем почти ничего? Они совсем недолго встречались, а потом он вдруг исчез. И замуж она только через десять лет вышла, все ждала, а от него ни письма, ничего.

– Арестовали? Сталинская тирания и ужасы режима, как там говорят?

– Да ну тебя! – отмахнулась Олеся. – Не настолько бабушка старая. Это все уже при Хрущеве было, оттепель, какие еще ужасы режима? Я, может, поискала бы, но зацепиться-то не за что.

– Она ведь до сих пор вспоминает, да?

– Не то слово. Вздохнет, задумается. Он, говорит, может, где-то по земле еще и ходит.

Глава 3

Где эта Тося, по какой земле ходит?

Проснулся Александр от того, что ему было жарко. В окно, над краем занавески, било неожиданное для ноября, но оттого еще более радостное солнце. Полоса его легла на старенькие обои, и они вдруг не то чтобы помолодели, но на тусклой серо-коричневой поверхности появились вдруг знакомые с детства узоры. Вот этот букет тогда казался рыцарем в диковинно крылатом старинном шлеме с плюмажем на макушке. Глаза рыцаря из-под надвинутого низко щитка смотрели пристально: всего две крошечные темные точки, неведомо что означающие в цветочном узоре, но это были именно глаза! Строгие, требовательные: ну что, повелитель, принимай командование. Другие завитки, подальше и поменьше, недвусмысленно сообщали: рыцарь не одинок, за ним целая армия. Ее нужно возглавить, чтобы победить врагов! Только позавтракать, иначе бабушка Таня никак не отпустит, да и от напеченных специально к его пробуждению румяных блинчиков (с деревенской сметаной, плотной, как масло, и каким-нибудь вареньем) – дураков нет отказываться. И – вперед, рубить самодельной алюминиевой саблей заросли крапивы и бурьяна!

Сейчас вместо душистых блинчиков его ждали остатки «археологических» пряников, а вместо бурьянных войск – залежи старья, среди которого требовалось отыскать неведомые бумаги. Или, наверное, главное – тетрадка? Не менее неведомая. Что, если тетрадок окажется много?

Кладовок в доме имелось две. Кроме обследованной вчера комнатухи с расхлябанным (хоть и блестящим) шифоньером был еще пристроенный к задней части дома сарай. Электричество туда тянуть не стали, и Александр пошире распахнул дощатую дверь, еще раз порадовавшись ясной погоде, теперь уже с практической точки зрения.

Слева от двери громоздился неказистый стеллаж, несший на своих полках «запасной» садово-огородный инвентарь (в большинстве своем ржавый, но вроде не вовсе негодный), грязные жестянки (из одной торчали малярные кисти, совершенно закаменевшие) и мотки разномастных веревок, проволок и почему-то изоленды. Синей. Классической. Александру тут же вспомнилось шутовское правило: все, чего нельзя починить с помощью скотча, можно починить с помощью синей изоленды, чего нельзя починить синей изолентой, починить

невозможно в принципе.

К неремонтопригодным объектам относились, надо полагать, две ржавые велосипедные рамы, торчавшие из свалки справа от двери, перекрученный остов детских санок с болтающейся на одной заклепке спинкой и тому подобный хлам. Внутри оцетинившейся металлическими огрызками кучи виднелось что-то коричневое. Картонное, судя по цвету.

Коробка. Небольшая, точно не от телевизора (даже тот древний «Рекорд», что жил на даче в его, Александровом, детстве, сюда не поместился бы), хотя полустертый стилизованный силуэт рюмки на одном из углов говорил о хрупком содержимом. Надписей на коробке не имелось, то ли их время съело, то ли их и не было. Может, там в самом деле когда-то была посуда? Сервиз какой-нибудь?

Сейчас там были... да, именно бумаги, по-другому не скажешь. Сверху – россыпь старых советских поздравительных открыток. «Дорогие Боря и Таня! От всей души поздравляем вас с Новым годом! Желаем счастья, здоровья и успехов в личной жизни! Поцелуйте от нас маленького Витеньку!» На обороте открытки веселый молодежавый Дед Мороз махал рукой, высунувшись по пояс из ракеты с надписью «СССР» на борту. Маленький Витенька, сообразил Александр, это ж его отец. И улыбнулся диковатым «успехам в личной жизни».

Следующая открытка пестрела не поблекшими за годы бело-розовыми яблоневыми цветами, цыплячье-желтыми тюльпанами и алыми знаменами. Картинку пересекали небрежно, словно кистью, выписанные слова «Мир! Труд! Май!». «Дорогой Боря, рад поздравить тебя с нашим праздником, праздником труда! Жму твою рабочую руку, руку настоящего строителя! Желаю железного здоровья, твоей неизменной бодрости, высокого полета мысли и новых свершений! Светить всегда, светить везде! Светить – и никаких гвоздей!» – завершал свое послание цитатой Маяковского некий Коля К. Саше он почему-то представился невысоким вихрастым парнем в клетчатой ковбойке и смешной кепке, а главное – с сияющими ясными глазами, – оживший положительный персонаж из старых советских фильмов.

И дедушка когда-то таким был. И с бабушкой Таней он познакомился где-то там, на одной из «великих строек». Может, и Тося – из тех же времен? Или раньше?

Он стремительно перебрал открытки, собирая их в аккуратную стопку. Подписи «Тося» не мелькнуло ни на одной.

Под открытками обнаружилась растрепанная пачка инструкций и гарантийных листов к давно почившей бытовой технике: тому самому телевизору «Рекорд», двум стиральным машинам, фену, электросоковыжималке и морозильной камере с диковинным именем, разобрал которое Александр искренне изумился – выходило, что листок относился к здоровенному белому «сундуку», до сих пор стоявшему в родительской квартире. «Сундук» все еще честно исполнял свою холодильную миссию, мама морозила в нем ягоды и фаршированные впрок перцы.

Следующая пачка (или, скорее, стопка) состояла наконец из тетрадей. Сверху, правда, лежал отцовский школьный дневник за первый класс. Ностальгия, в общем. Как и прочие тетрадки (одна даже в косую линейку, с бледно-розовыми линиями полей, заполненная кривоватыми палочками и кружочками), в основном из начальной школы. Кроме трех. Одна потоньше, в картонной, когда-то белой обложке, другая «общая», в сером коленкоре, третья, тоже «общая», вовсе без корочек, заполненная вырезанными из журналов и календарей «полезными советами» и рецептами. Под картонной обложкой обнаружились какие-то схемы и расчеты – не то конспект, не то обоснование рацпредложения (у деда были, Александр точно помнил).

По клетчатым страницам тетрадки в сером коленкоре вился убористый дедушкин почерк. Зачем-то перелистнув несколько, Александр прочитал:

«В тот день мы долго шли по бульвару. Там росли какие-то необыкновенные розы, красные, белые, желтые. Тося сказала, что они называются чайные, они пахли особенно сильно. И сладко, и горько, сейчас розы так не пахнут, пахнут целлофаном и вообще пластиком. Тося в своих новых модных туфельках устала и оперлась на мою руку. И мне хотелось, чтобы бульвар этот никогда, никогда не заканчивался».

Значит, не героическая санитарка на поле боя и не подруга детства в деревенском пруду. Все-таки любовь. Но сейчас почему-то не мелькнуло никакой обиды за бабушку Таню. Только что-то вроде восхищения. Дед-то, оказывается,

тот еще романтик!

Тетрадку Александр убрал в прозрачный файл для документов, почему-то вспомнив вдруг, что эта штука называется не «файл», а «мультифора». По крайней мере, так утверждала Кира. Ну и пусть. Все говорят «файл», да и короче так. И еще – эта мысль заставила его улыбнуться – было бы более аутентичным завернуть тетрадку в старую газету. Правда, клетчатые страницы не выглядели древними, да и старых газет в обозримом пространстве не наблюдалось. Так сойдет. В еще один файл он сложил открытки и несколько конвертов из тех же времен, может, дедушке приятно будет вспомнить тех, кто когда-то им с бабушкой Таней писал. А на некоторых и адреса отправителей имелись – не помешает.

Уезжать было почему-то жаль. Он перекрыл воду, проверил еще раз печку, даже смазал замки и петли. Поскрипывание разошедшихся половиц казалось добродушным ворчанием пожилого родственника. От калитки Александр обернулся: окна взблескивали на солнце, дом словно бы улыбался: возвращайся!

Дорога от деревни и дальше, через московскую путаницу, лежала вдали от обычных его маршрутов, но, может, именно поэтому удалось удачно перехватить три неплохих заказа. Александр уже предвкушал вечер в изучении серой тетрадки, когда телефон пиликнул сообщением: «Если не передумал, живу там же».

Знакомство с дедушкиной исповедью откладывалось.

«Живу там же» означало, что до Ванькиной квартиры – рукой подать, как они за последний год ни разу на улице не столкнулись? Домой Александр все-таки зашел. Переоделся, выложил свои находки, позвонил отцу (утешая себя тем, что отсутствие новостей в их ситуации – уже хорошая новость), купил в ближайшем цветочном ларьке недорогой, но симпатичный букет из мелких лиловых колокольчиков и чего-то пушисто-зеленого. Колокольчики продавщица назвала каким-то длинным, похожим на «каля-маля» словом, которое Александр тут же забыл. Зато «каля-маля» напомнило о Ванькином «с сыном познакомлю», пришлось в супермаркете, кроме продуктового, заглянуть еще и в отдел игрушек. Коробка же с конструктором напомнила вдруг о мешке Деда Мороза, и он вернулся к продуктам, добавив к традиционному коньяку, нарезкам и коробке пирожных еще и мандарины. Толстенные рыжие солнышки пахли Новым годом. Один мандарин Александр, оглядываясь, словно делал что-то неприличное,

ободрал и запихнул в рот – скучавший возле кассы охранник глядел во все глаза, а потом вдруг подмигнул.

Стало весело и спокойно.

Ванькин подъезд по-прежнему пах кошками, только стены стали бледно-синими. Раньше были зеленые, и между этажами, сбоку от подоконника, красовалось нацарапанное пивной пробкой «Сашка + Светка». Интересно, те царапины под новыми слоями краски еще заметны?

Однако проверять он не стал. Светка принадлежала прошлому, там и должна была оставаться. И неважно, какова она сегодня – толстая баба с выводком сопливых отпрысков или подтянутая бизнес-леди с идеальной прической – главное, что она была.

Из знакомого черного дерматина (надо же, Ванька за столько лет даже дверь не поменял, а впрочем, зачем?) таращился глазок, когда-то напоминавший Александру перископ вражеской подводной лодки. Почему именно перископ и лодка именно вражеская? Бог весть.

Дверь распахнулась так быстро, словно Джонни поджидал в прихожей. За ощутимо округлившимся его плечом маячила пластмассовая улыбка Тани. Раньше Александр не задумывался, а сейчас совпадение имени с бабушкой показалось неприятным. Да еще и явственная, как в прежние времена, крупная надпись «отличница» на гладком лбу, под разложенной на ровненькие прядки светлой челочкой. Да и леший с ней, с Татьяной! Я к другу пришел!

– Заматерел, Джонни! – Александр по-медвежьи обхватил приятеля, похлопал по спине, пощупал демонстративно плечи, отпустил, как будто разглядывая, щелкнул по животу. – Брюшко-то, а? Жена хорошо кормит?

– Не жалуясь, – улыбнулся тот. – А я ведь только о тебе вспоминал, а тут вдруг ты сам... Это ж мы с твоей свадьбы, получается, не виделись?

– Получается, так, – Александр улыбнулся через силу, вспоминать о свадьбе не хотелось.

– Как жена? Я и забыл даже... Кира, кажется?

– Кира, – сухо подтвердил Александр. – Мы развелись, давно уже. Я теперь опять в той квартире живу.

Пластмассовая улыбка на Татьянинном лице на мгновение сменилась гримасой неодобрения, но тут же вернулась на место.

– Проходи. Вань, веди гостя в комнату.

Даже стол заранее накрыла, тоже без особого одобрения подумал Александр, пока Джонни плескал по пузатым бокалам принесенный коньяк.

– Ну, за встречу? – оживился он.

Но молчание, повисшее после первого «тоста», показалось Александру почти похоронным. Лучшие друзья? Он уже жалел о вчерашнем своем порыве, да и Иван, похоже, не знал, о чем говорить.

– А бизнес как? – лучший друг наливал следующую порцию. – Ты ж так резко на подъем пошел, все завидовали...

– Бизнес, как и Кира, – равнодушно сообщил Александр. – Давно с другим.

Бизнес... До сих пор вспоминать было тяжело. Он и не вспоминал. Старался, во всяком случае. Начиналось-то все... ах, как все начиналось! Собственный таксопарк! И ведь все, все получалось! Две машины, пять машин, десять, двадцать... Но резкий, вдохновляющий подъем (я могу! Абрамович со всеми своими яхтами идет курить в сторонке) сменился закономерным падением. Летишь ты такой вдохновенный, как на крыльях несет – и хрясь мордой об забор! Некрашенный, занозистый, жесткий. Весь в крови, в грязи. Сетевые такси живенько вытеснили с рынка конкурентов, от таксопарка, которым Александр так гордился, осталась одна-единственная машина, та, с которой он когда-то начинал. Спасибо еще, с кредитами удалось рассчитаться, и квартиру старую продавать не пришлось. Кира закономерно решила, что они «не созданы друг для друга» (она всегда так выражалась, а он, дурак, не чувствовал картонного привкуса ее речей). И он сломался.

Пил, как будто работу работал. Валялся на диване, пялился в какие-то сериалы и шоу. В пьяной полудреме казалось, что Кира опять вытащила его на очередную модную постановку, опять на сцене вопят, раздеваются догола, мужики целуются с мужиками и крутят в сторону зрителя странные, но многозначительные жесты. Потом обнаруживал, что вопит телевизор (пару-тройку раз соседи приходили, чтоб звук убавил), заливал в себя очередную порцию «топлива» и оказывался «в домике».

- Ты что, так ее любил?

В первый момент пробуждения Александр тогда решил, что дед ему тоже снится. Но тот оказался вполне настоящим, сидел в старом кресле у дивана, на котором валялась брэнная Александрова тушка, и смотрел молча. Вот только и спросил про «любовь».

Да еще холодно было, как на улице, – дед распахнул все окна, словно не подумав, что на дворе зима и минус. А может, как раз подумал. В вытрезвителях, говорят, тоже холодом очухивают. В вытрезвителе Александру бывать не приходилось, а на явившегося некстати деда он глядел, чуть не молясь про себя: уходи, ну уходи же, тошно мне, сейчас глотну и тогось оно все конем!

- Ты не понимаешь! – простонал он. – Я все, все потерял!

- Зажрался, – констатировал дед, имея в виду явно не алкогольное «нажрался». – Жив, фактически здоров. Пока здоров, такими темпами до цирроза рукой подать, а то почки еще отвалятся, тоже весело. Крыша над головой есть, и даже не барак, а вполне приличное жилье. Деньги? Как пришли, так и ушли, сегодня есть, завтра нет. Кира? Скажи спасибо, что сейчас сбежала, да и не ободрала до трусов, тоже, можно сказать, удача. Или у тебя любоф? – Он так и произнес, «любоф», нажав на финальное «ф», что почему-то прозвучало очень обидно.

Наверное, потому что было правдой. Саша мотнул бы головой, мол, к лешему в ангидрид такую «любоф», но голове было совсем плохо. Дед на попытки внука поднять себя с дивана глядел молча, но сквозь укориэну просвечивало пусть не сочувствие, но – понимание.

На кухне, несмотря на распахнутое окно, висел тяжелый алкогольный дух. Возле мойки громоздились два огромных пакета с пустыми бутылками. И только тут Александр осознал, что сильнее всего спиртным несет из раковины, куда дед опорожнил все стратегические запасы.

И застонал.

– Переживешь, – раздался из-за спины голос деда. – Никто не умер. И не война. С остальным разберешься.

Ну да, на висках уже серебро мелькать начинает, и не говорите, что некоторые в двадцать лет седеют! Его «двадцать» остались в дальнем далеке, а ему, значит, жизнь с нуля строить?

– Будем? – Иван успел плеснуть в бокалы очередное «по чуть-чуть». – За бог с нами и хрен с ними! – бодро сообщил он и вдруг съежился, увидев опять появившуюся в дверях комнаты Татьяну.

– У тебя-то как дела? – Александр тоже не знал, о чем говорить, и следовал вежливому протоколу.

– Кручусь. Техникой всякой занимаюсь...

Это могло означать что угодно: от управления техническим обеспечением условного «газпрома» до должности продавца-консультанта в салоне сотовой связи.

– На жизнь-то хватает? – Саше, честно говоря, было почти наплевать: по столу судя, не голодают, из окон не свищет, полы не проваливаются. Но для поддержания вежливой беседы сойдет.

– Да вроде не жалуемся... – Иван как-то замялся. – Ты прости... Сам знаешь, кризис везде. Так что пойми, сам ремень потуже затягиваю.

Бросив взгляд на не то чтоб внушительное, но заметное брюшко над упомянутым ремнем, Александр постарался не хмыкнуть. Наоборот, улыбнулся вполне по-доброму:

- Не-не, у меня все норм. Не поверишь, но доволен. Как подумаю, что пришлось бы голову ломать, как работников своих обеспечить, - ну его в пень! Сам за себя - оно спокойнее.

- И жениться еще раз не думаешь?

- Дай после Киры отдохнуть! - засмеялся Александр, впервые произнеся имя бывшей жены без малейшего трепета. Надо же, нигде ничего не кольнуло.

- Вот и правильно! - радостно подхватил Иван. - Да и поздно нам уже резвиться-то, а? Мой-то уже сам скоро за девками бегать начнет.

- Ой, - спохватился Александр. - Я ж ему... - он полез в пакет и торжественно водрузил на стол яркую коробку.

- Спасибо, - кивнул лучший друг и заорал: - Вадька! Вадим!.. Да вылезти из берлоги своей!

На пороге комнаты появился щуплый нескладный парнишка. Явно стесняясь незнакомого гостя, он глядел в пол, переминаясь с ноги на ногу.

- Вот! - гордо махнул на него Иван. - Наследничек! Вадим!

- Здравствуй, Вадим! - улыбнулся Александр. - Совсем большой уже. Боюсь, не прогадал ли я с подарком, - он протянул мальчишке коробку.

- Спасибо, - вежливо кивнул тот.

- Чем увлекаешься-то? - Александр продолжал отрабатывать протокол «в гостях у старого приятеля»: положено проявлять равнодушие к чужим детям, значит, проявим.

- Историей, - буркнул парень и почему-то покраснел.

- История большая. Каким периодом?

– Древностями. Ну когда люди среди дикой природы выживали. Ну и вообще... Знаете, был такой пират Генри Морган? Он сперва просто разбойник был, а потом губернатором его сделали, а один писатель про него книжку написал. Ну не совсем про него, но там в предисловии написано, что основным про-то-ти-пом, – он выговорил трудное слово по слогам, – был Генри Морган. «Одиссея капитана Блада» называется.

– Отличная книжка! – обрадовался вдруг Александр. – Я когда-то под одеялом читал, с фонариком, мне ее на одну ночь дали, потом дед в букинистическом мне в подарок купил. Хочешь, подарю?

– Я в библиотеке взял, – Вадим почему-то посмурнел. – У нас хорошая библиотека.

– Иди, читатель, про уроки не забудь, – Иван подтолкнул сына к выходу и, повернувшись к приятелю, покачал головой. – Помнишь нашу библиотеку? Ну, в крайнем подъезде твоего дома?

– Да так, более-менее, – кивнул Александр. Признаться, что после школы ни разу туда не заглядывал, не хотелось, да и зачем? Машину с другой стороны ставил, так что даже мимо не ходил. И не вспоминал, что с той стороны дома библиотека.

– Он туда как на работу шастает.

– Может, влюбился? Помнишь, Юрка в новую географичку втрескался? А твой в библиотекаршу.

– Лишь бы не в Эльвиру Валерьевну! – гулко захохотал лучший друг, на миг превратившись из огрузневшего мужика средних лет в того мальчишку, с которым Александр кидал водяные бомбочки с верхнего этажа и... ох, чего они только тогда не творили.

И Эльвиру Валерьевну вспомнил вдруг. Она возвышалась за своей стойкой, как танкист из люка. И не просто танкист, а танковый генерал! Ее боялись самые отпетые, Александру даже, уже после школы, кошмары снились: забыл сдать книги, Эльвира Валерьевна требует, а он их найти не может. Ужас!

Часы тоже показывали какой-то ужас. Как он не заметил? Впрочем, раз они коньяк усидеть успели, значит, впрямь времени изрядно прошло.

– Засиделся я, – улыбнулся он. – Пора.

– Ты заходи еще, – Иван, подмигнув и опять превратившись на миг в Джонни, нырнул к нижнему отделению шкафа, выудил оттуда плоскую «фляжку», торопливо разлил. – Давай на ход ноги, пока... – он опасно обернулся, но Татьяны в дверях не было.

Бедный Джонни, сочувственно качал головой Александр, спускаясь по лестнице, отыскивая в темноте отпирающую подъездную дверь кнопку, останавливаясь на крыльце. Бедный Джонни. И вроде все ж у мужика хорошо. А он фанфурики от жены ныкает. И не потому что алкоголик, а потому что она ему на плешь капает: ты что, алкоголиком стать хочешь? Хорошо, что Кира сбежала, а то так же капала бы. Кстати, плешь-то у Ваньки уже имеется. Вот Александру с генетикой повезло, шевелюра как в молодости. А то, что седина на висках мелькает – сколько ее там? С его мастью и незаметно. Да и было бы заметно – подумаешь! Типа снежком присыпало.

Надоело уже, к слову: вечером снег, красиво даже, а поутру – слякотная слякоть. Может, этот, сегодняшний, уже останется?

Глава 4

Может, этот снег уже останется? Не умрет? Даже когда весь ноябрь черный и слякотный, не так тяжело. А если посыплет, укроет, обнадежит – и назавтра опять темнота и грязь? Так еще хуже. Может, этот уже удержится? Так красиво... Как в «Зиме» Вивальди. Стоишь, а сверху белые хлопья сыплются. А тебе совсем, совсем не холодно!

Пять лет назад

Телевизионщики – наверняка приглашенные владельцем автосалона – не опускали камер. Для рекламного ролика (и тем паче для новостей) и пяти минут

довольно, но какой оператор откажется от красивой картинке? Мало ли где и когда пригодится. Олеся наблюдала из-под полуопущенных ресниц – со стороны, должно быть, это казалось полным погружением в музыку. Хотя «Зиму» из «Времен года» Вивальди она сыграла бы даже во сне. Пальцы сами бегут, захочешь – не собьешься. Как говаривала знакомая девочка с филфака: корову с мягким знаком написать – да я столько не выпью!

Не нужно думать ни о чем – ни об аппликатуре, ни об акцентах, все настолько выучено, прожито, пережито (да и пьеса-то, как ни крути, несложная), что именно задумаешься – собьешься. Как сороконожка с ее «какая нога следующая». Автоматизм – вовсе не помеха вдохновению. Когда можно уже не думать, а лишь чувствовать, лишь плыть и лететь по этим волнам. Музыка возникает словно бы сама собой. Смычок летает – и словно повинуюсь его взмахам, с высоких перекрытий, кружась, падает «снег» (совсем как настоящий). И легкие белые их платья (Карина придумала), расшитые серебром и совсем чуть-чуть жемчугом, тоже летят, взвиваются (не так высоко, как на знаменитом фото Мэрилин Монро, у них-то платья в пол, но так даже красивее), словно кружатся две девушки вместе со снегом. Это владелец салона (как же его зовут-то? договаривается всегда Карина, а у Олеси черед заказчиков сливается в одну сплошную массу) предложил поставить сбоку от скрипачек тепловую пушку, все-таки в заставленном сверкающими машинами гигантском «ангаре» было не то чтобы холодно, но и не жарко, а платья тонюсенькие. Получилось не только практично, но и красиво. Для открытия «предрождественской» распродажи – самое то. И нужды нет, что до Рождества еще далековато. Бизнес – дело такое, кто первый встал, того и тапки, вот владелец и подсуетился. Очень красиво получилось: спящие покуда железные «звери» (стоимостью в годовой бюджет какого-нибудь Люксембурга), сияющие разноцветным лаком, вьющийся над ними снег – и две тоненькие девушки: беленькая и темненькая, но прически одинаковые, и диадемы над нежными высокими лбами – тоже.

Последние взмахи смычков...

Короткий наклон головы – царственный и строгий. Никаких «сценических» поклонов. Они – феи, слетевшие в это чудесное место, какие там поклоны, что вы! И раз владелец сумел договориться с этими небесными созданиями – значит, он крут, значит, покупать здесь машину – это круто, модно и так далее. Невербальная агитация. Каринка очень здорово все эти штуки понимает. Не только заказчиков находить умеет. Записная книжка уже распухла от номеров (телефонная память – дело хорошее, а если вдруг с аппаратом что-то случится?)

то-то же, предусмотрительность – наше все). Олеся вот совсем не предусмотрительная. Карина не сердится, даже смеется: кому-то практичность, кому-то – музыкальный гений, в одной голове они не уживутся. Она и в самом деле называет Олесю гением. Преувеличивает, да и ее замашки на посоперничать когда-нибудь с Ванессой Мэй вряд ли оправдаются. Но приятно. Даже, может, приятнее, чем шуршащие конвертики после выступлений.

– Не пугайтесь.

Она и не испугалась вовсе! А вздрогнула просто от неожиданности – в этом коридорчике, почти под дверью импровизированной гримерки (комната отдыха возле кабинета владельца салона) никого быть не должно. И тут вдруг откуда ни возьмись – эдакая фигура на пути. И охрана как-то пропустила ведь?

Фигура, впрочем, очень даже ничего. Высокий, сухощавый, узкое лицо с резкими скулами, глаза под немного нависшими бровями кажутся совсем темными, на чеканном подбородке неожиданная ямочка. Не модельный красавчик, но в чем-то даже лучше. Порода. Эдакий граф де Пейрак – только без уродующего шрама. Или этот, как его, мистер Рочестер. И запястья аристократически узкие – на левом видны какие-то немыслимые часы. Карина учила разбираться в статусных шмотках, но Олеся даже названий толком запомнить не умела, не то что отличать «Патек» от «Омеги» – или как их там? Вот голос оценить – это она могла. Глубокий баритон с таким количеством обертонов, что даже негромкий, почти на уровне шепота, он пробирал до мурашек.

– Не пугайтесь, – повторил незнакомец. – Вы прекрасны. Впервые в жизни встречаю живое воплощение пушкинского «гений чистой красоты».

В другой момент Олеся, быть может, возразила бы, что Анна Керн была скорее шатенкой, нежели блондинкой, – но сейчас? Когда голос заставляет слабеть, а взгляд ласкает, поднимает, повелевает... Ох.

– Я Герман, – так же негромко и так же проникновенно представился незнакомец (ах, вот откуда пушкинские мотивы!), подчеркнув имя отточенным кивком и взяв ее за руку.

Холодная, наверное, подумала вдруг Олеся, всегда после выступлений пальцы как лед. Губы, на мгновение коснувшиеся ее запястья, обожгли, показавшись

огненными. Пушкин, говорите? Они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень... Сглотнув, она сумела-таки вымолвить:

- Олеся.

- Я знаю, - Герман улыбнулся. - Стас - мой друг. Он говорил, что рождественскую распродажу в его салоне будут открывать две прекрасные скрипки, но я и подумать не мог - насколько. Стас всегда преувеличивает безбожно, сами понимаете: не обманешь - не продашь.

Олеся засмеялась, вспомнив детский мультик:

- Зачем я, буренка, тебя продаю? Сам наговорил, сам поверил?

- Вы еще и умны. И пальцы у вас удивительно красивые. Сразу видно, что вы творите музыку.

Комплимент, если подумать, был так себе. Во-первых, длинные пальцы - чистая генетика. У самого Германа тоже такие, и что, значит, он музыкант непременно? Во-вторых, у скрипачей кончики пальцев левой руки как бы расплющенные и довольно жесткие - мозоли, что вы хотите при многолетней, ежедневной многочасовой борьбе со струнами. Но ведь красота - в глазах смотрящего, правда? И сказать Герман хотел приятное, а не наоборот.

- Музыка не в пальцах, она в голове и, наверное, в сердце, - Олеся чувствовала, что выразилась чересчур пафосно, но точные формулировки никогда-то ей не давались. Ее дело - чистые звуки.

- Вы правы, а я поторопился.

Герман вновь улыбнулся, и Олеся вдруг почувствовала себя необыкновенно красивой - гораздо красивее, чем в «ангаре» под искусственным снегом и искусственным ветром, - и удивительно легкой. Такой, какой бывала, лишь когда летела на волнах очередной мелодии.

- Леська, ты... - выглянувшая из «гримерки» Карина осеклась.

Герман повернулся к ней, продолжая улыбаться:

– А вы, как я понимаю, Карина? Стас говорил.

– Карина, – подтвердила та, глядя все еще настороженно, но уже с ноткой почти восхищения. Она-то небось и часы, и костюм, и стрижку (явно не из микрорайонской парикмахерской) уже «срисовала».

– Могу я попросить вас разделить со мной скромный холостяцкий ужин?

– Меня? Холостяцкий? – глаза Карины сузились, голос заledenел.

– Вас обеих, разумеется. Холостяцкий – потому что только холостяки ужинают в ресторане. Увы, – он сокрушенно развел руками.

Неизвестно, собиралась ли Карина бросить в ответ что-нибудь едкое насчет «кто девушку ужинает». В любом случае – не успела.

– Герман! – Хозяин салона лучился такой улыбкой, что ее хватило бы на освещение того самого «ангара» с автомобилями. Впрочем, от приятеля он тут же отвернулся: – Кариночка! Я вас не обидел?

– Что вы, Станислав Сергеевич, все в порядке, – Карина улыбалась не менее лучезарно, значит, суммы в конвертиках были вполне приятными.

– И я могу надеяться на продолжение нашего сотрудничества? Скажем, под Пасху?

– Звоните, – царственно кивнула Карина.

– Герман, ты чтоб моих музыкантш не обижал! – Он погрозил приятелю пальцем.

– Как можно, Стасик! Я всего лишь хотел угостить девушек ужином. У тебя тут как-то...

– Да уж. Буфет есть, но... Как-то я не озаботился, винюсь. Хотя можно заказать, привезут...

– Но это совсем не то, – все так же улыбаясь, перебил Герман. – И если ты так беспокоишься за безопасность девушек, можешь составить нам компанию.

– Э-эх! – вздыхал Стас очень искренне. – Я-то с превеликим бы удовольствием, да куда мне сейчас! Пока народ тепленький, самое время их немножечко растрясти, а?

– Ну тряси, тряси. Карина, Олеся? Так как насчет поужинать?

Девушки переглянулись. И после секундного размышления Карина кивнула.

Олеся и опомниться не успела, как оказалась... в сказке? Спасибо еще Карине, приходилось уже бывать во всяких дорогих и пафосных местах, но одно дело – для работы, совсем другое – в качестве гостыи. Ее пригласили – она будет получать удовольствие. Хотя бы сегодня. И нет, она не станет пялиться на окружающую роскошь, как будто Манька из каких-нибудь Гнилых Косушек. Хотя роскоши было, пожалуй, слишком много. Расписные потолки, украшенные позолоченной лепниной, гигантские зеркала и гобеленовые медальоны в простенках между колонн, переливчатый мрамор и сияющий паркет, благородная темная зелень диковинных растений и сверкающая бронза дверных ручек и настенных светильников. Официанты в черных фрачных парах скользили вокруг, как ожившие ноты. Их же внезапный знакомец был тут, похоже, завсегдаем – официант называл его Германом Владимировичем.

Даже Карина, в машине пытавшаяся доставать Олеся вопросами, притихла, только шепнула: «Непусти!» Олеся отмахнулась. Принцы – не для Золушек, но можно хоть один-то вечер о законах жизни не думать? Просто наслаждаться моментом. Здесь был другой мир. Здесь никто не задумывался о выборе между новой книжкой и батоном колбасы, не вспоминал о коммунальных платежах, здесь все улыбались, целовали друг друга в щечки, небрежно усаживались, бросая официанту «мне как обычно». Здесь все было легко, пахло ванилью и еще чем-то острым, свежим, непередаваемо притягательным. Кружилась голова, а тело казалось невесомым, как пузырьки шампанского в узком, неправдоподобно изящном бокале...

Как это она ухитрилась возле собственной двери оказаться? Да еще и за хлебом зашла, вот пакет в руке – совсем удивительно. Так, не ровен час, на автопилоте окажешься в какой-нибудь Неверландии. Хотя там, наверное, хорошо...

Но за дверью, разумеется, никакой Неверландии не оказалось. Может, потому что она – не фея?

– Ты сегодня прямо фея! – Улыбающаяся бабушка встречала, как обычно, в прихожей. – День хорошо прошел?

Увиденное в зеркале Олесе неожиданно понравилось: холод разругал всегда бледные щеки, капельки от растаявшего снега блестели на волосах драгоценными алмазиками, ресницы от влаги стали совсем темными, и глаза сияли из-под них так ясно, так красиво... Пуховик, правда, лучше бы поярче, но черный практичнее.

– День? Да, славно. Вчерашние поступления в базу вводила, потом студия «Алые паруса». Нам все директивы какие-то спускают, а я ребятам вслух читаю – и ведь приходят! Значит, интересно им! Но такие смешные! Сегодня «Капитана Блада» читали, ну и давай про пиратов спорить. Я им про Генри Моргана, а они про каких-то корейских пиратов, китов-призраков и еще каких-то чудовищах, о которых я вообще впервые слышала! Надо как-то следить...

– Да, – бабушка покачала головой. – Сабатини не в моде. Все в интернете свои драмы глядят.

– Ба! Не драмы, а дорамы, так азиатские сериалы называются, я ж тебе говорила.

– Драмы лучше звучит, – упрямо возразила бабушка. – Поклонник-то твой был?

– Ба-а-а! – почти застонала Олеся. – Как тебе не стыдно? Зачем я вообще тебе об этом рассказывала! Вадим – хороший мальчик, и читать любит, историей интересуется.

– Ну любит так любит, я просто так спросила. Мой руки и за стол, – бабушка, как всегда, оставила за собой последнее слово.

Олеся только улыбнулась.

– Спасибо, очень вкусно, – от души поблагодарила она, опустошив тарелку. Казалось бы, что такого, обычный суп с фрикадельками, но – в тепле и уюте их маленькой кухоньки, рядом с родным человеком – получается куда вкуснее всех Карининых деликатесов, вместе взятых.

– До чего вы там вчера дошушукались? Карина опять великую любовь нашла? – Таисия Николаевна словно подслушала Олесины мысли.

– Нашла, – Олеся вздохнула. – Надеюсь, хоть теперь у нее все сложится. Кто-кто, а уж Каринка-то счастье заслужила.

– Эх, если бы все было так просто, – бабушка вздохнула. – Счастье нельзя заслужить. Это ж не медаль, не почетная грамота, не премия. Так-то хорошо бы было: раз хороший человек – на? тебе счастья полной ложкой. А если уж вся жизнь для людей, и честный, и добрый, и работает всем на пользу – вот тебе целую бочку счастья, ешь – не хочу. Да только не бывает так. Счастье, Лесенька, оно...

– Оно – что? Как Синяя птица?

– Ну да. Случай – и все горит и сияет. Случай – и... все, – она замолчала, глядя в темное стекло.

Олеся знала, что она видит. Она и сама (сколько раз слышала ведь эту историю) видела в темном стекле словно кадры черно-белой хроники: парень и девушка шагают, держась за руки, вдоль широкой улицы, под нераспустившимися еще деревьями, сквозь едва рассеянную редкими фонарями темноту. Огромная Москва сонно дышит, баюкая влюбленных на своей широкой ладони, расчерченной линиями улиц, проспектов и переулков. И, отражаясь в чуть поблескивающей ленте реки, летит над ними мелодия «Случайного вальса»: «Хоть я с вами почти не знаком, и далеко отсюда мой дом, я как будто бы снова возле дома родного. В этом зале пустом мы танцуем вдвоем, так скажите хоть слово – сам не знаю о чем».

Серая тетрадь

«В этом зале пустом мы танцуем вдвоем, так скажите хоть слово – сам не знаю о чем...»

«Случайный вальс» – это наша песня. Она и так-то была в моде в те времена, но для нас с Тосей наполнялась особенным смыслом. Именно под эту песню мы впервые поцеловались. И сегодня, несмотря на прошедшие годы, я ясно слышу эту мелодию. Да, многое изменилось, и страна сейчас совсем другая, а Таня, с которой мы прожили вместе непростую, но долгую и все же прекрасную жизнь, Таня уже умерла. Недалек тот час, когда и я последую за ней, потому и решил вот записать самое важное, что в моей жизни произошло.

Потому что вдруг, едва стоило начать вспоминать, оказалось, что самое важное – Тося. С Таней о Тосе я не говорил никогда. Может, она и догадывалась о чем-то. Не знаю. Таня очень помогла мне в самое тяжелое время. Без нее я, наверное, вообще не выжил бы. И все-таки именно Тося осталась в глубине памяти как самое светлое и важное, что случилось в моей жизни.

Но сперва нужно написать немного о себе самом. Когда-нибудь моим внукам или правнукам, в руки которых попадет эта тетрадь, наверное, захочется узнать, что за человек я был и отчего в моей жизни случилось столько неразберихи. Если же не захочется – ну так они и читать не станут.

Дедушкин почерк оказался, несмотря на любовь к завитушкам (к ним нетрудно было привыкнуть), вполне четким. Значит, думал Александр, переворачивая первую «вводную» страницу, записывать дедушка начал после бабушкиной смерти, то есть примерно пять лет назад. Сам Саша тогда приоритетной задачей считал зарабатывание денег и с головой был погружен в развитие собственного бизнеса – и выспаться-то толком не всегда удавалось, что тут говорить о поддержании родственных связей. Деда он навещал по праздникам или когда требовалось привезти очередные сумки с продуктами. Тот подолгу крутил в руках очередную яркую упаковку, ворча не слишком одобрительно: «Какой такой штоллен? Не, я понимаю, что из Германии, но... В наше время вот это вот

кексами называли, и у каждой хозяйки свой рецепт был. И столько всего туда уж точно не пихали. Изюм разве что, кекс ведь – он навроде пасхального кулича. А тут и изюм, и орехи, и еще что-то разноцветное... Чего? Цукини? Это ж кабачки такие длинные, помню, их даже на кухне выращивали, называли вьетнамский кабачок, отрезали – и прямо на сковородку, а он, даже обрезанный, рос себе и рос. Чего? Не цукини, а цукаты? Какая разница! Нет, ну надо ж столько напихать! Орехов разных, цукини эти... Прямо не кекс, а салат какой-то! А, ладно, с чаем сойдет. Как к немцам-то съездил? Чего у них? Костик там как? Да куды ж ты намылился-то? Чайку бы попили, с этим самым штолленом...»

Какой там чай! Так, на бегу. Саше вечно было некогда, он поглядывал на моднючие свои швейцарские часы (ничем не лучше «Полета», если подумать, но – статус обязывает): час, максимум полтора – и довольно. А деду поговорить хотелось, общения не хватало, вот, значит, и завел тетрадку... Тихо сам с собою я веду беседу. Видать, уверил себя, что до него никому нет дела. Костик, второй внук, сын тети Оли, и вовсе осел в Германии: начав там дело, как-то быстро женился на сухой, как породистая лошадь, Амелии, и дети их, такие же сухие и белобрысые, копия мамочки, по-русски и то через пень-колоду объясняются. Это, получается, и есть те самые правнуки, на которых рассчитывал в своих записках дед? На миг Саше стало стыдно. Нет, не то чтобы именно стыдно, но – нехорошо это. Кира, деньги, бизнес... Не так он приоритеты расставлял, ох, не так. Но время – шоссе с односторонним движением. Не вернешь, ничего не вернешь. Можно, конечно, попросить прощения за свою когдатошнюю торопливость – но это как-то глупо. Только и можно – исполнить последнюю дедову просьбу.

И ведь странно – просьба просьбой, но ему и самому стало интересно.

Первые страницы дед занял рассказом о самом начале биографии, тут Александр был более-менее в курсе. Родился на Урале, в семье инженера, судя по всему, весьма талантливого: перед войной того (вместе с семьей, конечно) даже перевели в Москву. В школе дед не только преуспевал в точных науках (отцовские гены или отцовское воспитание сказались), но и активно участвовал в выпуске школьной газеты. Надо же, удивился Саша, заметки писал! И стиль, судя по этой тетрадке, у деда имелся. Поступил он, однако, не на журфак или филфак, а в Московский инженерно-физический (круче МИФИ были только физтех и Бауманка, это Саша знал), но журналистских упражнений не оставил, некоторые из его заметок даже «Комсомолка» публиковала. Впрочем, писал дед о тех годах скупно. Положим, войну вспоминать не хотелось, да и маленький он еще был, но Московский фестиваль молодежи лишь упомянул, а ведь событие

было масштабнейшее. Похоже, дед изначально сосредоточился на одной теме – Тося. Тося...

Табло электронных часов подмигивало красивым сочетанием «00:22», но оторваться от тетрадки уже не получалось – когда же главное-то начнется? Усмехнувшись, Александр насыпал в турку полуторную дозу кофе и добавил не только привычную корицу, но и немного перца. Получилось... бодряще. Ну и тетрадка, словно в награду за упорство, не разочаровала.

Серая тетрадь

«На танцы я тогда пошел больше за компанию, но Тосю разглядел моментально. Никогда, ни до, ни после, я не встречал таких ярких глаз. Она смотрела как будто прямо в душу, как будто все-все о тебе знает и понимает лучше всех на свете. Волосы она заплетала в две косички, коротенькие, смешные и трогательные. Глаз невозможно было отвести.

И наговориться мы никак не могли. Шли по каким-то улицам и говорили, говорили, говорили. Тося училась на педагогическом и очень много читала. Я, правда, запомнил только про роман Валентина Иванова, который как раз выходил в альманахе „Мир приключений“, она так ждала очередного выпуска, словно это была не книга, а рассказ о ее близких родственниках.

– Эти викинги – они же как фашисты! – Она чуть не подпрыгивала, а глаза так и сверкали. – Так им и надо! На Русь всегда приходили всякие... ну там татаро-монголы, шведы, викинги вот, французы со своим Наполеоном, ну и фашисты теперь... Жадные дураки! Ведь мы каждый раз их били!

Если бы можно было вернуться туда, в то время! Никогда, ни за что бы Тосю не отпустил!

В следующий раз мы гуляли вокруг проспекта Мира. Там как будто смешались прошлое и будущее: старенькие деревянные домишки с вросшими в землю окошками – и огромные, красивые современные здания. А мороженое! Это было самое вкусное мороженое в моей жизни! Тогда только-только сомкнули кольцевую линию метро, мы спустились вниз и долго по ней катались, выходя на каждой станции. Я читал про лондонские и нью-йоркские подземки, там их

называют „тьюб“, труба. Труба и есть: темная и вонючая. А у нас – прямо памятники архитектуры! Настоящие дворцы! Беспорядка и толчеи тогда таких, как сегодня, не было, и пахло свежестью. А еще землей и бетоном, новостройки же. Тося сказала, что так пахнет будущее!

– Ничего не было, а мы построили! И год от года будем жить все лучше и лучше! И коммунизм построим, а потом к нам присоединятся другие страны, и земля станет единой. Можно будет в любой момент поехать куда угодно, хоть в Африку, хоть в Америку! И никаких разрешений не потребуется!

– Почему именно в Африку или в Америку?

Краснея, Тося рассказывала, что, когда читала приключенческие книжки, ей ужасно хотелось своими глазами повидать и прерии, и индейцев, и диких мустангов, и настоящих трапперов.

Ее удивительные глаза, когда она вспоминала о приключениях в книжках Майн Рида или Купера, так и сияли. Я знал, конечно, что все индейцы давным-давно сидят по резервациям, а трапперов и вовсе никаких не осталось. Но не возражал. Только слушал. И смотрел, как двигаются ее губы. Но поцеловать долго не решался, боялся обидеть или отпугнуть. Шутка ли, чуть не вчера познакомились!

Мне и сейчас кажется, что все это было вчера, так ясно я все это вижу. Так и не решившись ее поцеловать, я еще долго-долго стоял под окнами общежития, глядя на захлопнувшуюся за Тосей дверь, и едва успел на последний троллейбус.

В парке Горького как раз снова посадили розы и поставили новый фонтан. Жизнь постепенно становилась прежней, а иногда и лучшей. В войну многие скульптуры и фонтаны парка пострадали, а в розарии стояла зенитная батарея. Помню и выставку трофейной техники, мы с мальчишками пробирались сюда поглазеть на фашистские танки и самолеты, уже безвредные, как выпавшие у когда-то грозного хищника зубы. Иногда мы швырялись в них камнями – и тут же сбегали, чтоб не попасться зрителю, который и так-то нас гонял.

Водить по парку Тосю было еще интереснее. Она приехала недавно, а довоенной Москвы и вовсе не видела, и слушала мои рассказы, буквально затаив дыхание.

– Ты так здорово все описываешь, аж мурашки пробирают, – у меня от ее похвал тоже чуть не мурашки по телу бегали.

Хотя, может, и потому, что начиналась осень и ветер нес отчетливую прохладу. Помню, как мы стояли в розарии, а Тося глядела на цветы, на фонтан, на небо так сосредоточенно, словно изо всех сил старалась все запомнить. Словно перед экзаменом.

– Только подумай, – она вдруг показалась мне очень грустной. – Это ведь последние розы этого лета! Так хорошо и так... странно? Завтра будет уже холоднее, и лепестки скоро потемнеют, их унесет ветер, и небо поблекнет. Но сейчас они – и розы, и фонтан, и небо такое яркое – как-то особенно прекрасны. Как будто именно неизбежность увядания придает им особенную прелесть...

И розы пахли словно бы сильнее, и запах их был не только сладким, но и немного горьким, словно к радости примешивалась грусть. Почему мне тогда вдруг захотелось спорить?

– Ну и что, что лето уходит? – возразил я. – Потом будет золотая осень, потом зима, это тоже здорово. Советский человек может и должен смотреть в будущее с оптимизмом, а не печалиться, как какие-нибудь декаденты, об уходящем, – я тогда только выучил слово „декаденты“ и казался себе очень умным. – Завтра ведь будет лучше, чем вчера, как же иначе?

– Конечно, – она кивнула. – Просто мысль странная в голову пришла, вот и все. Но ты прав, это глупо и даже нечестно так думать. Мы победили в самой страшной войне, подняли страну из руин, ты же сам говорил, что тут зенитки стояли, а теперь розы... Конечно, впереди лучшее!

Ветер донес до нас звуки оркестра, он тогда нередко играл в парке Горького. Это была та самая мелодия: „В этом зале пустом мы танцуем вдвоем, так скажите хоть слово – сам не знаю о чем“. И мелодия эта была вовсе не об оптимизме, о котором твердил я, юный болван, а о той странной красоте скоротечности, о которой говорила Тося. Она поежилась, и я набросил на нее свой пиджак. И – не удержался. Поцеловал. И она не испугалась, не обиделась, не оттолкнула меня!

Почему ее улыбка показалась мне немного печальной? И почему я не задумался об этом? Об улыбке уходящего лета, о странной горчинке в сладком запахе роз?

Зимой все почему-то проще. Наверное, потому что меньше становится и красок, и звуков, и оттого все как будто ярче. Не знаю. На катке, куда меня стала вытаскивать Тося, тоже часто запускали „Случайный вальс“. Она танцевала (она прекрасно каталась), а я боялся отцепиться от бортика. Даже если не падал, все равно был как та самая корова на льду. Но это нам не мешало, наоборот, заставляло больше смеяться и шутить. После катка мы нередко заходили к нам. Тося сперва стеснялась, но мама сразу усаживала ее за чай и угощала собственного изготовления плюшками, а отец исподтишка показывал мне большой палец – мол, не упusti.

Помню, как дядя Валера, наш сосед, ворчал: „Жених, фу-ты ну-ты! Совсем недавно еще в футбол в коридоре играл и все наши банки побил!“ Ворчал он, конечно, не со зла. Он вернулся после Победы почти без единой царапины, а вот жена его, каждую осень заполнявшая те самые банки чудесными вареньями, осенью сорок первого наотрез отказалась ехать в эвакуацию и вместе с сынишкой дяди Валеры погибла во время очередного воздушного налета.

Признаюсь, что в то время я так много думал о Тосе (или был с ней), что порядком подзапустил учебу, так что меня даже на комсомольском собрании прорабатывали. Дима, наш комсорг, произнес пламенную речь о том, что некоторые (сделал длинную паузу, сверля меня, сидящего отдельно от всех, суровым взглядом) тратят драгоценное время на танцульки и тому подобные развлечения, вместо того чтобы все силы отдавать учебе.

– Нам не нужны такие безответственные комсомольцы! – вещал он. – Какие из них получатся работники? Строители коммунизма или горе-недоучки и лодыри? Сейчас, когда многие наши товарищи усердно трудятся на комсомольских стройках, поднимают целину, участвуют в стахановском движении и посвящают себя дальнейшему росту мощи нашей страны, что мы видим? Есть те, для кого важнее всего танцульки и модные брюки!

Ребята за меня вступились (не так уж сильно я и запустил учебу), я пообещал исправиться, но Дима все равно смотрел на меня косо.

Что ж, пришло время рассказать о Дмитрие Родионове, который учился на курс старше меня и руководил нашей комсомольской организацией. На всех он смотрел так, словно каждый был в чем-то виноват и только под родионовским руководством может встать на путь исправления. Он писал блестящие отчеты о проделанной работе и, вероятно, планировал карьеру не на инженерном поприще, а по комсомольской линии. Инициативами он просто фонтанировал: субботники, воскресники, помощь заводу, помощь сиротам, спартакиады в честь каких-нибудь дат. Мы, разумеется, не в состоянии были заниматься всей этой общественно-полезной деятельностью одновременно, потому каждое начинание, едва вспыхнув, гасло. Соорудив очередной блестящий отчет, Дима рождал следующую инициативу:

– Дорогие мои товарищи! В это непростое для страны время мы должны... должны... должны...

Речи произносить он умел. Чеканил слог, сверкал глазами. Вожак, трибун и пламенный агитатор.

Мне Родионов не нравился. И он меня тоже невзлюбил. Хотя особых поводов к тому не было, я нередко ловил его колючий, злой взгляд. Не знаю, чем я его раздражал. Может, тем, что не боялся и не раболепствовал? Так не я один, его многие считали болтуном, хотя вслух ничего такого, конечно, не говорили. Когда Родионов затеял это самое собрание по поводу моих учебных проблем (не слишком серьезных, если вправду), я здорово удивился. А Мишка Колокольцев, мой тогдашний приятель, советовал быть с Родионовым осторожнее. Да и в институте говорили всякое. Особенно по поводу выборов, после которых он стал комсоргом факультета. Вроде как имелась тогда и альтернативная кандидатура, но тот парень оказался морально несоответствующим. Не то спекулировал, не то в контактах с иностранцами был замечен, не то еще что-то. Чуть до исключения из комсомола не дошло. Из института он ушел и куда-то пропал. Подробности мне не известны, но сейчас думаю, что все это было делом рук Дмитрия Родионова...»

Снился Александру каток: по исчерченному узорами льду скользили невесомые девушки в белых платьях, с темного неба летел и кружился в такт таинственной, очень красивой грустной мелодии редкий снег, посверкивая в лучах спрятанных где-то прожекторов. Снежинки выглядели неправдоподобно крупными, а следы от коньков казались загадочными письменами, которые непременно нужно было

расшифровать. Саша, может, справился бы, но рядом, опираясь на невысокий бортик, стоял человек в надвинутой на глаза черной шляпе и за что-то Александра очень строго отчитывал. Речь его звучала так же непонятно, как загадочные ледяные письма. Только в голове навязчиво звучало: «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст».

Проснувшись, он словно назло видению включил в ноутбуке именно джаз – тот, традиционный, новоорлеанский и около того. Более поздние эксперименты его пугали, как все непонятное. Может, знатокам оно и надо, не зря же пишут, что джаз – самое сложное для восприятия музыкальное направление, но он-то – просто слушатель, ему и Дюка с Эллой довольно. Время лета, и как легко жить, и отец твой богат, и мать прелестна, спи, малыш, не плачь!

Интересно, нравится ли знаменитая гершвиновская колыбельная деду? Почему они никогда не говорили о музыке? Хотя вот рок-классику дед вроде бы одобрял, когда Александр в машине включал «Квинов», «Нирвану» или «Роллингов», кивал, словно соглашаясь с чем-то. В последний год, когда пришлось из владельца таксопарка превратиться в простого водилу, Александр не заводил в салоне ни попсы, ни тем паче шансона, а дед посмеивался – нетипичный ты, Сашка, таксист. Но, может, «типичных» таксистов и в природе не существует, так, миф общественного сознания. Одна из коллег слушала лишь романсы, что при ее тяжелой, квадратной, почти мужской фигуре и почти таком же лице казалось немного странным. Но как там говорят: на вкус, на цвет все фломастеры разные? Наверное, и попса, и клубняк, и шансон чью-то душу радуют. Не из-за чего копыя ломать.

Он подержал в руках серую тетрадку и, помедлив, положил ее обратно, на диванный подлокотник. Пропускать второй день подряд не стоило, да и в сервис пора было заехать, пусть ребята послушают, что там постукивает, не то огребешь проблем где-нибудь на маршруте, да еще, по закону подлости, непременно в глуши, где из всей помощи – только эвакуатор, да и поди дождись его. И, что греха таить, теплилась в глубине души детская надежда: если отложить удовольствие, жизнь вознаградит. Может, вечером к деду уже пускать начнут, можно будет у него спросить и фамилию Тоси, и полное имя, и прочие необходимые для поисков подробности.

В сервисе он пожалел, что не взял тетрадку с собой, возня с машиной затянулась до обеда, вполне можно было и почитать где-нибудь в уголке. Хотя это казалось не очень правильным. Под серой обложкой хранилась тайна, а тайны не любят

публичности. Да и повозиться с машиной на подхвате у механиков – тоже удовольствие.

Равно как и держаться за руль, подумал он, выезжая на маршрут под моцартовскую «Женитьбу Фигаро». Да, сегодня – так. Не мощный Рахманинов, не беспощадный Вагнер, не загадочный Брамс – радостный, легкий, искрящийся весельем Моцарт. Не захочешь – улыбнешься в ответ. Нетипичный, значит, таксист? А меж тем даже в самые тучные времена он возил себя самостоятельно. Киру это раздражало: владельцу успешного бизнеса полагалось ездить с шофером. Успешным вообще много чего «полагалось»: одежные бренды, марки часов, список правильных курортов – ибо Статус. Не поймут-с. А ему так хотелось сесть за руль и погнать на север. В Карелию там или что-то в этом роде. Ехать, догоняя убегающий горизонт, и чтоб стелились ошую и одесную ленты то желтых, то зеленых полей, лесов с внезапными опушками, из которых подмигивают крошечные озера, деревенок с кучками бабuleк, сторожащих ящики с «дарами»: молоком, творогом, грибами, яблоками и толстыми носками домашней вязки.

Может, и хорошо, что гонка за пресловутым «успехом» сломалась? Он ведь Джонни правду сказал, он в самом деле чувствовал себя сейчас лучше, чем тогда. Нет, не так. Не лучше. Спокойнее, что ли. И улыбаться легче стало.

У консерваторского подъезда маленькая кругленькая девушка в смешной буратинской шапке и здоровенных очках в кислотно-зеленой оправе что-то азартно доказывала длинному тощему парню в коричневом пальто, который хмурился и странно двигал правой рукой, как будто дирижировал. Смотрелась парочка комично, таким нужно возле ГУЦЭИ быть, а не у консерватории.

– Вы меня ждете? – В пассажирскую дверь ввалилась миниатюрная девушка в строгом черном пальто с серебряным скрипичным ключом на лацкане. Скрипичный футляр на фоне ее миниатюрной фигурки выглядел слишком большим. – Госномер вроде тот, что написали, но в марках я совсем не разбираюсь.

– Добрый вечер, – улыбнулся Александр. – Если номер тот, то, значит, я вас жду. Вам нужно в Трубный переулок, так?

– Именно. Вечно все путают его с Трубной площадью. А это...

– А это совсем в другой географии. Переулок маленький, так что не ругайте тех, кто его не знает.

– Да я не ругаю, я так... – Она прислушалась, пошевелила обтянутыми серой замшей пальчиками. – Моцарт, удивительно. Это вы специально, потому что вызов к консерватории был?

– Да нет, так далеко наши сервис-менеджеры не заходят. Я его сегодня почти весь день кручу. А вы, наверное, от классики устали уже?

– Что вы! – возмутилась пассажирка. – Разве от Моцарта можно устать? Но слушаю разное, конечно. И рок, и джаз, и... – она вдруг оглянулась, словно в машине мог затаиться подслушивающий шпион. – Даже в современной эстраде кое-кто есть вполне приличный. И, кстати, я сейчас в сопровождении «Синей птицы» играю, там всякое встречается. Знаете?

– Если вы про детский конкурс, то слышал, – искоса взглянув на пассажирку, Александр отметил, что она очень даже ничего. Не красотка с обложки, но в чем-то лучше этих инкубаторских кукол. Вместо шапки копна густящих каштановых кудрей, лицо довольно узкое, смуглое, с тонкими чертами, разве что нос великоват, да еще и горбинка заметная, но глаза! При таких глазах нос может быть любым. Огромные, цвета темного янтаря, а в медово-карей глубине шальные искорки скачут.

– За дорогой следите, а не меня разглядывайте! – неожиданно резко бросила девушка.

Александр пожал плечами. Вряд ли стоило парировать высокомерие поговоркой, что и кошке позволено глядеть на короля. И на королеву тоже. Но королева права: его дело – дорога.

– Простите, – смягчилась вдруг королева. – Я не хотела грубить, и Моцарт у вас, и вы вроде нормальный, а я... Простите, день сегодня хоть брось. Разбить бы что-нибудь...

– Только стекла в машине не надо, ладно? – Он сказал это со смешком, шутки обычно даже на нервных неплохо действуют, хотя, конечно, не угадаешь.

– Не буду, – буркнула пассажирка. И, кажется, шмыгнула носом. – Думаете, я совсем, что ли, отмороженная?

– Думаю, вам что-то испортило настроение, но, как говорила моя бабушка, это не последний день жизни.

– Лучше бы последний! – Скрипачка, похоже, крепилась из последних сил.

– Могу я чем-то помочь?

– Да чем вы поможете! – Она мотнула головой. – Меня мужчина только что бросил. Жених фактически. Вот скажите, видно, что я армянка?

Александр слегка растерялся. Смуглая кожа и, главное, форма носа и глаз, в общем, подсказывали ответ достаточно недвусмысленно. Но не расстраивать же ее еще сильнее.

– Вряд ли стоит сожалеть о мужчине, – мягко, но уверенно сообщил он, – который может бросить девушку только из-за ее национальности.

– Вот! – Она вдруг обрадовалась. – Значит, видно? Вы, случайный человек, сразу видите, что я армянка, а его мамочка меня русской называет! – Пассажирка продолжала пошмыгивать носом, но тараторила уже сердито, а вовсе не удрученно, как только что: – И я для нее неподходящая кандидатура. Неправильная. Нечистокровная и вообще забывшая свои корни. Даже толму готовить не умею! То есть умею, чего там уметь, нарубить, смешать и завернуть, но...

– Толму? – удивился Александр. – Я только про долму знаю...

– Ой, да одно и то же! Типа национальный колорит, это как с пловом, каждый твердит, что это они выдумали, типа у вас плов, а у нас пилав, а какая разница, если все равно у каждой хозяйки свой рецепт?

– С борщом та же песня... – согласился он.

– Во-от! И с пельменями, которые вообще вроде бы китайские, но никто ж не парится. А тут здасьте, армянка не готовит толму. Мне делать больше нечего, что ли?

– Думаю, что занятий у вас хватает, – он покосился на футляр.

– А она... – Пассажирка, кажется, всхлипнула, но справилась с собой. – Для нее вообще мое существование – преступление против... не помню, короче, я позорю всех и меня на костре сжечь нужно!

– В Средние века на костер тоже самых красивых отправляли... – отстраненно заметил Александр, подумав, что лишний комплимент расстроенной девчонке точно не повредит.

Но она опять отреагировала неожиданно:

– Это вы чего, клеитесь ко мне, что ли?

– И в мыслях не было.

– И тут нехороша, да? Вас-то я чем не устраиваю? Только не говорите, что у вас дома семеро детишек и любящая жена, а кольцо вы просто не носите.

– Не скажу. Потому что дело не в вас.

– А! Вы безнадежно влюблены, да? – Она состроила скептическую гримаску.

– Да при чем тут... – Александр тщательно следил, чтобы не пропустить нужный поворот. Навигатор – дело удобное, но он предпочитал обходиться без «костылей», полагаясь только на собственную память, и даже гордился этим. – Просто я на работе, понимаете? Ну вот вы, к примеру, готовитесь к концерту, оркестр там собирается, дирижер, не знаю, как у профессиональных музыкантов все устроено. Вы на репетиции или во время этого самого концерта о нотах думаете или по сторонам поглядываете, кого из коллег... кому улыбнуться пожарче?

– Надо же... – Остывала она так же моментально, как вспыхивала. – А вы ничего так. И музыку правильную слушаете, и в голове не опилки. Давайте, что ли, знакомиться, а то скоро уже приедем. Я Карина. Прямой номер дадите? Не через диспетчера же вас искать.

– Пытаетесь клин клином вышибить? – Он усмехнулся. – Назло бывшему закрутить с простым таксистом?

– Таксист вы, положим, совсем даже не простой. Штучный экземпляр. Интересный. И давай на «ты», что ли? Ага, вижу табличку, Александр, значит. Серьезное имя. Тридцатник прошел, сорок еще не было?

– Тоже верно.

– Кольца нет... Просто не носишь или?...

– Или.

– И почему? Приличный мужик, в таком возрасте и без жены. Почему?

– Ты точно скрипачка? – не удержавшись, он засмеялся. – Больше смахивает на сотрудника спецслужб! Или иностранная разведка? – Машина въехала в нужный двор. – Какой подъезд?

– Второй, чуть дальше. – Расплачиваясь, Карина наклонилась чуть ближе, чем следовало, духи у нее были сладковато-пряные, для другой, пожалуй, слишком резкие, но ей этот аромат подходил. – И смотри, я ведь и вправду не возражаю продолжить общение...

– Очень категорически ты не возражаешь, – он опять засмеялся. – Впрочем, я только за. Номер запишешь или как?

Пока он диктовал, Карина набирала номер в своем телефоне и сразу нажала на «вызов», телефон Александра послушно отозвался. Сбросив вызов, он сохранил номер в память. Карина.

Когда она улыбалась, на щеках появлялись ямочки, и он подумал, что неведомый «фактически жених» просто идиот. Почему вдруг вспомнилось чье-то стихотворение: «И гордо голову закидывала, чтобы слезам из глаз не вылиться»?

– Пока! – она помахала ладошкой, прижимая к себе скрипичный футляр. – Лови момент, пока я свободна. Я совершенно свободна!

Глава 6

– Да, да, да, я совершенно свободна! – Голос Карины в трубке звенел от явно близких слез.

– Карин... – осторожно вклинилась в крик подруги Олеся.

– Чего – Карин? Чего? Опять я дура! Да, сама знаю! Но все равно он козел!

– Эдик?

– Эдик-велосипедик! Не подхожу я их образцовому семейству! Мало того что полукровка, то есть, по мамулиным представлениям, вообще руснэри, русская, да еще и бракованная, замужем-то была... И значит, недостойна ее драгоценного сыночка!

– Карин, если эта мамуля так думает, она сама бракованная. И это их семейство тебя недостойно. Если этот Эдик такой послушный сын – ну его к лешему, а? Что, ты себе получше не найдешь? Еще локти кусать будет, – она говорила правильные слова и сама себе не верила, но все равно что-то бормотала. – И лучше, что он сейчас расчехлился, а не потом, когда ты уже привязалась бы к нему окончательно...

– Я уже привязалась! – всхлипнула Карина. – Кого я еще найду? Сегодня вот с таксистом познакомилась, надо с таксистом еще закрутить, да? Чтоб клин клином?

– Господи, с каким еще таксистом?

– С обыкновенным. Симпатичный, кстати, и в салоне у него классика играет, а не какой-нибудь шансон. Может, в самом деле... А то все эти придурки с часами ценой в автомобиль и амбициями размером с Арарат вот у меня где. Может, этот таксист как раз повернет мою жизнь...

– Твоя жизнь – не машина. А если и машина, ты сама себе шофер, посторонний для поворота не нужен. Ты, главное, не спеши.

– Да ты же сама мне на красивую обертку советовала не вестись! – Голос в трубке опять взвился до немыслимых высот. – И что теперь? Не нравится, что мой новый знакомый – обычный шофер? Да, может, он в миллион раз лучше всех этих недоолигархов! Может, у него сердце золотое!

– Да хоть бриллиантовое, – оборвала ее Олеся. – Я не против шоферов вообще и этого в частности. Просто не кидайся сгоряча. Возьми паузу. Присмотрись, оцени. Да просто отдохни от всех этих эмоциональных ураганов.

– Ты намекаешь, что я легкомысленная? Что меня несет по ветру? Ну, знаешь!

– Карин...

Но та уже отключилась. Очень для Карины характерно: все на взрыве, на порыве, на... Отсюда и все ее беды.

Номер Карины не отвечал. Обиделась. Впрочем, это не страшно. Остывала Карина так же легко, как вспыхивала. Судя по фоновым звукам во время ее воплей, она уже дома. Если не кинется куда-нибудь развеивать горе (а по сути – искать приключений на свою пятую точку), то и хорошо. А раз сорвалась на Олеся, скорее всего, никуда не кинется. Поужинает, поспит, а завтра все будет выглядеть по-другому, не столь безнадежно.

Или нет? Может, темперамент и вовсе ни при чем? Сама-то ты всегда считала себя разумной, рассудительной, осторожной. Сдерживалась, следила за собой, обдумывала. Никаких знакомств в барах или вот – в такси. А потом... Потом случается волшебная сказка – в нее ведь невозможно не поверить, правда? Как иначе найти свою половинку? И ты веришь – все же прекрасно, как в сказке. И... И что, спасла тебя твоя хваленая осторожность? Или, может, дело вообще не в

осторожности или, наоборот, неосмотрительности? Может, действительно судьба? И пусть бабушка говорит, что счастье не заслужишь, но соответствовать-то ему нужно? Это сейчас почти плевать на погасшие глаза, на обвислые пижамные штаны, в которых так удобно ходить дома (и даже если утешающие шоколадки и имбирное печенье превратятся в пару-тройку лишних кило, добрые штаны этого не покажут), на волосы, которые все еще хороши, но неплохо бы и парикмахера приличного завести... А принцам нужны принцессы.

Пять лет назад

Карина, в первые дни после ужина в ресторане донимавшая Олесю вопросами – ну что, звонил принц? – махнула в итоге рукой: «И не жалко! Подумаешь, цаца какая! Другого найдешь!»

Да, принцы – не для Золушек. Но помечтать-то можно? Например, торопясь на учебу, Олеся может сломать каблук и, одинокая и несчастная, упадет на ближайшую лавочку, глотая слезы – и тут появится он. Подхватит на руки, закружит, спасет – и все беды станут пустяками. Ну или хотя бы: выходит она из подъезда – а там он. С букетом. Глупо, конечно, но когда вокруг зима, мечты согреваются.

Впрочем, кофе тоже согревает. Даже кофе из «Макдоналдса». И чизбургер – горячий, сочный, и плевать на калории! Если бы только еще звонками не отвлекали, эх.

Номер на экранчике высветился незнакомый.

– Олеся? – бархатный голос заставил ее вздрогнуть. – Добрый день. Это Герман. Вы меня помните? Мы познакомились у Стаса, вы в его салоне выступали.

Внезапно стало трудно дышать, а голова предательски закружилась.

– Здравствуйте, – она все же сумела взять себя в руки, стараясь, чтобы голос звучал достаточно холодно. Явился, не запылится! Думает, раз он весь из себя такой богатенький Буратино, сказочный принц и так далее – значит, она тут только и сидит в ожидании его благосклонности? Ну да, мечтала, и что? Ему о том знать совершенно не обязательно. Еще не хватало! – Если это вы нас с

Кариной ужином угощали после выступления, то помню.

– Вот и чудесно, – Герман говорил все так же тепло, словно и не было в ее голосе никакой зимы. – Давно хотел вам позвонить, но пришлось по делам отбыть, а по телефону совсем не то. Мы можем еще раз увидеться?

Олеся отодвинула от себя поднос с недоеденным чизбургером – аппетит внезапно пропал.

– Увидеться? – переспросила она, лихорадочно соображая: соглашаться или тянуть резину? Что лучше? До безумия хотелось еще раз увидеть свое отражение в его взгляде – нежном, восхищенном. Но бабушка сколько раз предостерегала ее: мезальянс – не выдумка, не фикция, неравенство положений – это неравенство положений. Богатенькие Буратины избалованы девичьим вниманием, потому считают себя, любимых, эдакими суперпризами в брачной гонке. Причем жен-то себе выбирают, разумеется, рассудочно, исключительно из своего круга (стараясь еще и повыше), а прочими дурочками просто пользуются. Да еще и полагают, что оказывают этим высочайшую честь. Ничего в этом хорошего.

– Именно увидеться, – повторил он. – И чем скорее, тем лучше. Вы сегодня свободны?

Голова закружилась еще сильнее, Олеся даже щеку изнутри прикусила, чтобы вернуть хоть какое-то подобие здравомыслия. Да, с «принцами» лучше дела не иметь. Но – если вдруг? Или даже не «вдруг», просто – почему бы не продлить сказку еще немного? Шанс там или не шанс, но лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал. Так тоже бабушка говорила. Только еще пальцем предупреждающе грозила: сия, дескать, максима не касается наркотиков и тому подобных «экспериментов». Тот, кто бросает на игровой стол жизнь или хотя бы здоровье – изначально в проигрыше. Но если всего лишь немного пофлиртовать? Что в том такого опасного?

– Я собиралась немного прогуляться по центру, – сообщила она, прикидывая – не слишком ли длинна была пауза? А – ничего! Вот тебе, избалованный богатенький пижон! Ты и слова-то такого не знаешь, и ножками ходить точно не умеешь, как можно!

Но Герман опять ее удивил:

– Изумительно, – судя по голосу, он улыбнулся. – Я как раз очень люблю гулять. В любую погоду. А чтоб вдвоем, как-то не очень выходит. Девушки нынче чересчур нежные: ой, ветер, ой, солнышко жарит, ой, мороз-мороз, – он смешно скопировал интонацию капризной избалованной куклы. – Видел, что ты особенная, но все-таки не ожидал. Через час жду тебя на «Маяковской».

Он что, знал, где Олеся находится? Вычислил? Следил? Потому что, если место выбрал случайно – вдруг бы Олеся находилась где-нибудь в Ясенево? Да еще и не возле метро? Или, может, угадал? Это было бы самое приятное, пожалуй.

Поземка вилась низко над серым асфальтом – словно невидимые феи танцевали с прозрачными кружевными шарфами. Олеся отчетливо слышала в метельных посвистах фрагменты капризов Паганини. Упрямых, не поддающихся – но она ведь справилась! Почти справилась уже. Сколько пришлось над ними работать, уму непостижимо! Всего два дня назад удостоилась первой, пусть и не слишком щедрой, похвалы от Риммы Федоровны: «Что ж, неплохой ученический уровень, уже есть чем гордиться. Но! – Сухой морщинистый палец одной из старейших педагогов Гнесинки закачался почти у самого носа Олеси. – У-че-ни-чес-кий. Ты пока еще вся в технике: ой, не сбиться бы. И слушатель вслед за тобой дыхание затаивает – проскочит или слажует? А дыхание должно пропадать от восторга, от следования за твоим полетом, а не от слежения за твоими пальцами. Техника – это всего лишь база. Для оркестра какой-нибудь областной филармонии сойдет, но ты-то можешь больше. Так, чтобы слушателю казалось – музыка льется сама собой, безо всяких с твоей стороны усилий. Как у лучших балерин, которые парят, и никому, никому даже в голову не приходит, сколько крови остается в пуантах, как болят связки, как... впрочем, я не балетмейстер, бог весть, что у них там еще болит, хотя болит наверняка. Никто не должен замечать даже тени твоего пота, твоей боли, твоих усилий. Но – да, я довольна. Уже есть с чем работать». От кого-то другого подобная речь воспринималась бы критикой, даже придирками, но от Риммы Федоровны? Похвала, безусловная похвала. Ты можешь больше! Это... окрыляло.

Ритм их общих шагов удивительно вписывался в звучание Паганини – как будто музыку слышала не только она, Олеся, но и Герман. Как будто музыка была общая. Как тонкая, но неразрывная нить, связывающая – сшивающая! – их. Острое, почти болезненное наслаждение – сродни боли в подушечках пальцев после удачного исполнения – да хоть бы того же Паганини. Только сейчас не в

пальцах – а где-то внутри. И какая при этом разница, о чем разговаривать? Главное звучало за пределами слов.

Хотя не только. В какой-то момент они вдруг вспомнили удивительный советский фильм «Приходите завтра», и Герман смешно ужаснулся:

– Господи! Вот я идиот! Я же тебя совсем заморозил! Ты, конечно, не певица, но, наверное... – одним движением он стянул с Олесиных рук перчатки, ахнул, принялся растирать побледневшие пальцы и одновременно потащил ее куда-то в сторону.

Там, за углом, обнаружилось небольшое кафе. Простенькое, совсем не похожее на тот пафосный ресторан, но очень уютное: клетчатые скатерти, настенные полочки с книжками (Олеся на мгновение задумалась: настоящие или муляжи?), забавными статуэтками, графинчиками и всякими милыми мелочами. Пахло теплым хлебом, корицей и сильнее всего (как партия рояля в струнном квартете – он вроде для проформы, просто аккомпанемент, но без него совсем не то) – кофе.

За окном, полуприкрытым клетчатой, как и скатерти, шторой, возле которого стоял их столик, все так же кружился снег, и сквозь него тепло сияли окна домов напротив.

– Хорошо как... – Олеся даже прижмурилась от удовольствия, грея руки о кофейную кружку.

– Тебе несложно угодить, – усмехнулся Герман.

На мгновение она смутилась. Что это? Расстановка сил? Типа он – аристократ, а она деревенщина? И вкусы у нее плебейские, как ни старайся, не скроешь. Помни, значит, свое место?

Но Герман улыбался так тепло, что сразу стало легче. Может, он, наоборот, устал от девиц, которым все не то и не так? Сам же упоминал. Тогда «несложно угодить» – комплимент, а вовсе не укол. Да и Герман сегодня «принцем» не выглядел – джинсы и свитер сделали его куда проще. Какой там граф де Пейрак! Парень как парень. Есть, правда, не стал, пояснив, что на деловом обеде пришлось довольно плотно подзакусить. Олесе же посоветовал теплый

салат с куриной печенью и удивительно нежный ягодный мусс.

Огоньки за окном пропали, скрывшись за усилившейся вьюгой, от которой уже даже стекла начали немного позвякивать – словно холод и непогода бьются в окно, но попасть внутрь не удастся, и они воют в бессильной злобе, рассыпаясь сверкающими искрами. Но это почему-то не пугало, а напротив, делало вечер еще уютнее. Вот бы век так сидеть – в тепле, до которого не доберется никакая вьюга, – и разговаривать. И нужды нет, что твой визави – почти незнакомец. Какой там незнакомец – так разговаривать можно лишь с по-настоящему родным человеком!

И наплевать, что у него машина стоимостью в бюджет Люксембурга (вот дался ей тот Люксембург!) – и даже с личным шофером! Зато раз – и дома. И бабушка беспокоиться не будет.

Уже когда она открыла подъездную дверь, Герман удержал ее за руку:

– Я хотел бы видеться почаще. Мне с тобой очень хорошо.

– Мне тоже, – улыбнулась Олеся. – Даже удивительно.

Но когда его губы коснулись ее губ – совсем не удивилась. Коснулись. Не впились жадно, как врывающаяся в осажденный город армия победителей – нет, приласкали легко, нежно, лишь намекая на... на что?

Да! Именно так надо играть тот пассаж, на который поморщилась Римма Федоровна – легко, едва касаясь. Намеком на продолжение.

Карина же, которой Олеся позвонила, едва сбросив сапожки и пуховик, отреагировала скептически:

– Гулял с тобой пешком? И даже приставать ни одной попытки не сделал? Ну, поздравляю, подруга!

– Ты говоришь «поздравляю» таким тоном, как говорят «ты вляпалась». Что не так?

– Да нет, все так, но как-то слишком. Может, он импотент? Или, еще вероятнее, гей?

– Гей? – не столько возмутилась, сколько изумилась Олеся. – А я-то ему тогда зачем?

– Для прикрытия. Оно, конечно, нынче вроде никто ничего и не скрывает, но, может, у него родители старорежимные. Если так, в своем кругу он девушку не найдет, все всё обо всех всегда знают, а девочки богатые тоже не дуры. А ты...

– Ага, а меня он на улице подобрал, поэтому...

– На улице тоже нельзя, – перебила Карина, – статус не позволяет. Ты-то отнюдь не с улицы, не из села Гнилые Мячки, нос рукавом не вытираешь, просто не из богатых. Зато симпатичная, вместе вы потрясающе смотрите, опять же, Гнесинка – это вам не мукомольный техникум. Так что в качестве ширмы очень даже ничего себе кандидатура.

– Прекрати! – Олеся, хотя ноги и ныли после долгой прогулки, мерила шагами свою комнату: от дивана к окну и обратно. За окном все еще злилась выюга. – Слушать тебя противно.

– Ладно, ладно, я просто... Очень уж твой Герман...

– Он не мой!

– Ага, со мной он гулять не рвался. Да ладно, ладно, не твой. Однако тебе не кажется, что все чересчур идеально выглядит, прям реклама здоровых завтраков для здоровой семьи: все румяные, улыбки на сорок восемь зубов и счастье так и прет. Герман твой – буквально предел мечтаний для любой: красив, богат, неглуп, чувство юмора наличествует, не сноб.

– И? В твоей речи явно слышится «но».

– Вот я и сама не пойму. Но, может, и нет никакого «но». Возле искусства, сама знаешь, и импотентов, и девчокомальчишков неясной ориентации – хоть бульдозером их гребь и в штабеля укладывай. Но Герман-то не музыкант и не

актер, так что, может, я просто на воду дую. В жизни чего только не бывает. И у вас в итоге все обалденно сложится, с первого взгляда и навсегда, поженитесь, проживете вместе лет восемьдесят и помрете в один день в окружении трех десятков рыдающих внуков и правнуков. И цветов на похороны они приволокут столько, что могилу с собакой искать придется.

– Жуть какая! – Олеся, представив себе цветочный холм, в котором копается собака, расхохоталась.

Цветы – не холм, букет – доставили на следующий день. Белые тюльпаны, ветки с ярко-красными ягодами (Олеся такого кустарника в жизни не встречала) и какая-то пушистая зелень. И – карточка: «Спасибо за чудесный вечер. Надеюсь на повторение. Герман». Не удержавшись, Олеся кинулась к скрипичному футляру. И ни на мгновение не задумалась. Знаменитый вальс Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь». Нежный и пронзительный, как эти цветы посреди вьюги. Или, может, правильнее что-то из «Щелкунчика»? Нет, все-таки первая мысль была точнее.

Бабушка стояла в проеме кухонной двери и смотрела... странно.

– Тебе не нравится? – обиделась Олеся. – Посмотри, он ведь не по интернету этот букет заказал, а сам выбирал! И карточку собственноручно подписал! И вкус у него безупречный. Большинство мужчин выбрали бы розы, да еще позволили бы, а то и велели бы напихать в них бусинок, блесток и прочей мишуры – для вящей романтичности. А тут – строго и прекрасно. Я, может, таких прекрасных никогда не получала!

– А ты уже оправдываешься? Перед кем? Передо мной – не надо, я тебе не враг. Значит, сомневаешься и сама? – Таисия Николаевна говорила спокойно, только в голубой свой махровый халат куталась старательно, точно знобило ее.

Олеся медленно убрала скрипку, так же медленно закрыла футляр. И в самом деле – почему она оправдывается? Дурацкая привычка. Вечно так. И совсем тихо сказала:

– Мне очень нравится Герман.

– Это уже лучше, – бабушка кивнула. – Приводи как-нибудь к нам познакомиться.

– Что, вот прямо сразу? – Олеся покраснела. – Он может решить, что я рассчитываю на...

– А ты не рассчитываешь? – парировала бабушка. – Знаешь, как говорят? Мужчина еще только поцеловать собирается, а женщина уже третьему общему ребенку имя придумывает.

– Ба! Зачем ты так?!

– Так – как? Ничего в том плохого нет, женщины по природе своей хранительницы, а думать о будущем – лучше, чем стрекозой порхать. Лесенька, я же за тебя волнуюсь. Цветы – ладно, но помнишь, как у Пушкина? В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань.

Господи! Опять Пушкин! Как сговорились все!

– Ба! Там-то да, Мазепа старик, а Мария вся такая юная. Ты беспокоишься из-за того, что Герман богат? Думаешь, среди богатых не бывает хороших людей? Кто меня учил не судить сгоряча?

– Ладно, поживем – увидим. Не сердись. Надулась, как мышь на крупу.

– Почему она на крупу дуется?

– Потому что в нос попадает, мышь чихает, а хочется слопать побольше, вот она и обижается, и дуется, и фыркает. Точно как ты сейчас, – и она вдруг подмигнула.

И как тут дуться? Олеся обняла ее, прижалась, зажмурилась, вдыхая такой родной, такой успокаивающий запах.

– Но Германа ты к нам все-таки приводи, – усмехнулась бабушка.

– Ба! Мы только познакомились!

– Я и не говорю, что завтра. Но до Нового года хотелось бы глянуть на это сокровище.

До Нового года оставалось еще полтора месяца – вечность. Хватит времени, чтоб набраться смелости и пригласить Германа в гости. Конечно, хватит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.me/ru/oleg-roy/prosti>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)